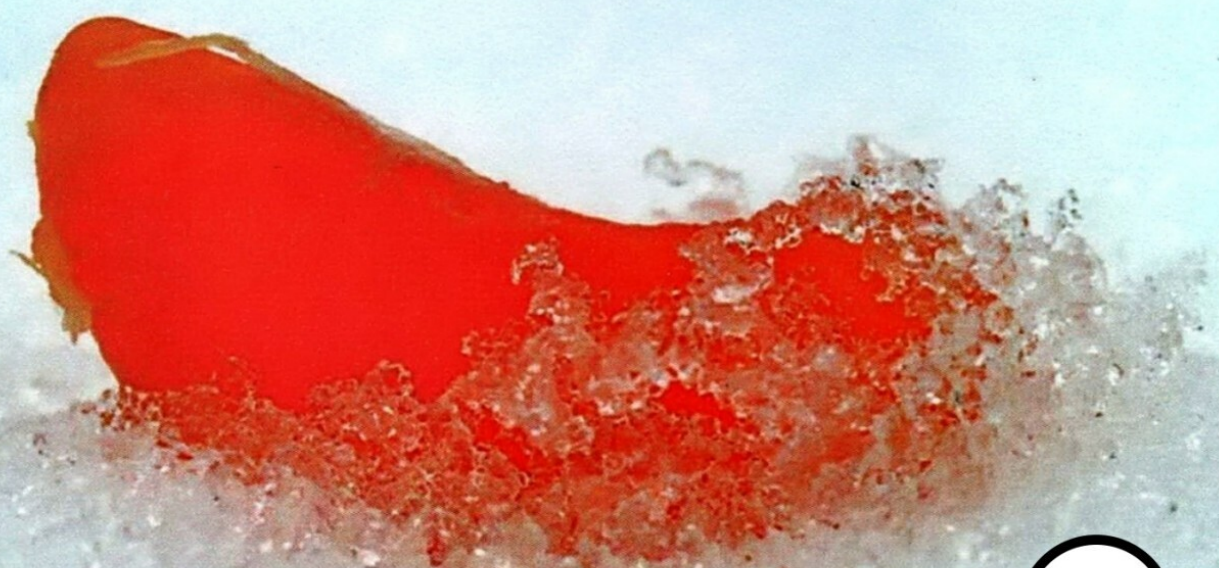

Ольга Теплинская

МАНДАРИН НА СНЕГУ

16+

Ольга Теплинская
Мандарин на снегу

«Автор»

2012

Теплинская О.

Мандарин на снегу / О. Теплинская — «Автор», 2012

Что надо делать, когда жизнь твоя серая и унылая и ты ненавидишь Новый год, – который все считают лучшим праздником в мире? А надо попасть к лучшему стилисту – парикмахеру и пусть он перекрасит тебя в самый нелепый цвет – цвет мандарина на снегу. Мастеру виднее.... А что делать, когда возле твоего дома стоит незнакомец, потерявший память? Неужели бросить его одного, без помощи и сочувствия?.. А когда случайно встречаешь своего мужа с другой и твоя уютная жизнь рассыпается на миллионы осколков? Что делать дальше: прощать, рыдать или снова влюбиться?

© Теплинская О., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Мандарин на снегу	6
Глава первая	6
Глава вторая	25
Глава третья	41
Глава четвертая	64
Глава пятая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

На обложке использована фотография с сайта <http://maloarhangelsk.ru>

Мандарин на снегу

Глава первая

Вязать я не люблю. Меня раздражает, когда нитки путаются, петли спускаются, а окончательное изделие получается на несколько размеров больше или меньше, что тоже бывает. Настроение мое этот процесс абсолютно не улучшает.

Но мне сказали, что вязание очень успокаивает и укрепляет нервы. Нервы мне были нужны, шарф тоже и я мужественно приступила к этому изнурительному для меня процессу.

Шарф вязался долго и трудно. Пряжа, которую мне настоятельно рекомендовала уставшая продавщица, как самую модную в этом сезоне, была ярко-оранжевого цвета.

Последний раз спицы я держала в руках в далеком детстве. Когда вся жизнь представляется ярким праздником, когда кажется, что именно в твоей судьбе будет и прекрасный принц и старинные замки (ну и что, что в нашей стране их никогда не возводили?) и дальние странствия в сказочно-красивые страны... Надо только закончить школу и институт, а уж все остальное не заставит себя ждать.

«Что же я тогда вязала – то?» – задумалась я. Помню, что получалось легко и красиво. Все хвалили. У меня всегда все получалось. Или не всегда? Или хвалили меня чаще, чем у меня получалось?

Воспитывала меня, в основном, бабушка. Мама была, как она себя называла – «боевой подругой». Не подумайте, чего плохого. Просто мой папа был военным, и ему часто приходилось менять города, а мама всегда была с ним. Маленькую меня брали с собой. Но после того как я чуть не умерла в далекой жаркой республике и доктор сказал, что климат этот девочке абсолютно не подходит, приехала моя бабушка и увезла меня в большой город.

Большой и строгий город Ленинград. С серыми домами, серыми мостовыми, с серым небом, серой Невой и серыми хмурыми людьми. Бабушка тоже была серой и строгой.

Каждое утро она ставила передо мной большую тарелку манной каши с кусочком желтого масла и с неизменными словами: «Ешь, пока горячо и вкусно!»

Манную кашу я ненавидела, только никогда об этом не говорила. Хотя, может, если бы я сказала, бабушка не давала бы мне ее по – утрам. Я возюкала желтый кусочек масла по белой массе, представляя, что это кораблик, которому надо обязательно выбраться из этого вязкого манного болота. Кораблик становился все меньше, и тогда я вычерпывала его ложкой и быстро прятала за щеку, чтобы его не поглотила белая топь.

Масло противно таяло во рту, не давая проглотить себя. Так я сидела какое – то время, раздувая щеки и тараща глаза, пока на меня не обращала внимания бабушка.

– Татьяна! Что опять? Надо обязательно все скушать! Посуда любит чистоту! А манная каша очень полезна. От нее дети растут здоровыми и сильными. Ты же хочешь стать здоровой?

Про здоровье в том далеком возрасте еще не думалось. Хотелось стать красивой. Это я помню.

Мы с Надей – подругой и соседкой по коммунальной квартире, очень любили рассматривать старые журналы мод с нарисованными моделями. Каждая старалась быстро выкрикнуть: «Чур, это я!» и ткнуть пальчиком в понравившуюся нарисованную манекенщицу. И появлялось осознание того, что вот такая в точности ты и вырастешь: высокая стройная и абсолютная красавица в бальном платье.

Сейчас я понимаю, что у меня была самая замечательная бабушка в мире. И никакая она была не суровая, иначе, как бы я стала такой захваленной и заласканной?

Мама, приезжая редко, каждый раз на несколько дней, тискала меня и сюсюкала, забывая о том, что мне уже не два годика:

«Танюсенька, Танюлечька, малышка моя!»

Я мужественно терпела, позволяя обращаться с собой, как с маленькой. Мама была яркой, веселой, шумной. Ослепительная блондинка с тонкой талией всегда перетянутой затейливым ремешком. От нее пахло духами, и похожа она была на нарисованных красавиц из журналов мод.

Мне привозились платья сумасшедших расцветок и разноцветные банты, которые мама любовно вплетала в мои жиденькие волосы. На фоне серого города такие яркие одежды смотрелись пестро и нелепо. Чувствовала я себя в них неуютно и страдальчески смотрела на бабушку, ища в ней сочувствия. Но бабушка, сурово глядя на мои обновы, только прикрывала глаза и еле заметно качала головой, мол: «Терпи, Татьяна!»

И я терпела. И послушно выходила с мамой на улицу, стараясь не смотреть на соседок во дворе. Хотя даже мои разноцветные бантики понимали, что не к месту они здесь.

И мы гуляли вдоль каменных серых набережных, любуясь на то, как серое небо отражается в серой воде каналов. И обязательно приезжали в Зоопарк к унылым, пожелтевшим белым мишкам. Мама радовалась, и я старательно делала вид, что и мне весело. Я даже хлопала в ладоши, как делали другие дети, когда несчастный белый медведь вылезал из грязной лужи и лениво царапал старую автомобильную шину.

– Танюсик, а пойдем в кафе и съедем большую порцию мороженого? – счастливо улыбалась мама.

– Пойдем, мамочка! – прыгала я, понимая, что через несколько дней у меня начнется ангина и бабушка будет ставить мне компрессы с вонючим камфорным маслом.

И мы сидели в стеклянной кафешке, я болтала ногами, обутыми в красные сандалии и давилась ледяным мороженым.

Хотя, может, если бы я сказала маме, что не люблю его, она бы меня им не кормила?

Еще был обязательный поход в театр, все равно в какой, но театр был главным пунктом нашей культурной программы. Театры я любила. Все равно, какие. Мне нравилось все: и с самого утра жить в ожидании чуда, и наряжаться, и вплетать в мои серенькие волосики красивые банты, и выходить во двор, весело сообщая каждому встречному, что мы идем в театр! А когда мы подходили к зданию театра, меня охватывало такое волнение, будто это мне сейчас предстоит выйти на сцену и целых три часа держать в напряжении огромный зрительный зал.

Поднимаясь по мраморным лестницам, я вдыхала особенный запах праздника, смотрела в отражении зеркал на нарядных людей и вся наполнялась радостным возбуждением. Хотелось громко смеяться и бегать, высоко подбрасывая ноги. Но вместо этого я тихонько подпрыгивала на месте и поскуливала.

– Танюлечка, ты чего? – удивленно спрашивала мама.

А я только поднимала на нее счастливое лицо и жмурила глаза.

Мама уезжала, и мы вновь оставались вдвоем с бабушкой. И жизнь снова становилась размеренной и тихой, с неторопливыми прогулками вдоль каналов, когда каждая думала о своем. Бабушка крепко сжимала мою руку своей сухой жесткой ладонью, я пыталась поддеть носком ботинка мелкие камушки, но каждый раз слышала недовольное:

– Татьяна, ботиночки испортишь!

Она всегда называла меня только полным именем, но при этом вещи, еду, одежду называла уменьшительными именами: ботиночки, платьице, кружечка. Меня это всегда удивляло, но я никогда у нее не спрашивала – отчего так?

* * *

Шарф, который я так затейливо уложила на своей груди, на улице вдруг решил, что он – оранжевый парус и весело закружил вместе с холодным северным ветром, поднимаясь к небу, закрывая мне лицо, пробуя на вкус мою помаду и одобрительно хлопая меня по щекам. Терпение мое кончалось, а вместе с ним относительно хорошее настроение.

«Если вы не любите Новый год, то на восемьдесят процентов вы – мандарин» – вспомнила я старый анекдот. Я мандарин на все сто процентов. Я Новый год ненавижу и все, что с ним связано.

Эти глупые детские ожидания, непонятно какого чуда. Ритуалы, которые обязательно надо соблюсти, поставив на стол определенное количество блюд, чтобы удовлетворить вкус животного, под председательством которого будет проходить следующий год. Надо хрюкать, кукарекать, рычать и мычать, и все у вас будет в шоколаде. А если год прошел, а чуда не случилось – значит, вы не так хрюкали.

И невозможно было лечь спать в Новогоднюю ночь, чтобы она быстрее закончилась. Вокруг всегда было столько шума. Рядом со мной, надо мной, во дворе и в небе. Всюду смеялись, пели, кричали, стреляли и хлопали. И никто не задумывался, что волшебных перемен на утро не происходит. Остаются только недоеденные салаты, пара одиноких маринованных грибочков в хрустальной вазочке, кусочки засохшего сыра, ворох разноцветного серпантина в квартире и стойкий запах серы на улице от громких фейерверков.

Через пару дней на помойке начинают вырастать хрупкие елочки с клоками серебристого дождика, и народ принимается мечтать о лете. Скорее бы оно наступило, чтобы уехать к морю, солнцу и пальмам.

На меня радостно надвигалась большая толстая тетка с огромной елкой, перевязанной веревками. Шапка ее съехала на бок, большая сумка оттягивала плечо и била по боку. Тетка тяжело дышала, выпуская изо рта клубы белого пара, и волокла свое колючее сокровище.

«Вот почему она сама тащит эту елку? Наверняка у нее есть муж и несколько штук таких же упитанных детей? Почему ей никто не помогает? А дома она наденет цветастый фартук и начнет строгать большое количество салатов». Мысли унесли меня далеко с морозной улицы.

* * *

Я всегда мечтала о счастливой семейной жизни. Мне казалось, что по другому и не должно быть. Обязательно встречаются мужчина и женщина, обязательно влюбляются друг в друга, а дальше белая свадьба, крики: «Горько!». А потом поездка к морю, рождение ребенка...

В моей жизни все проходило не совсем так, как в мечтах. Семья моя по – прежнему состояла из меня и бабушки. Родители колесили по бескрайнему Советскому Союзу. Мама почти не приезжала, они решили родить себе более здорового ребенка и жить нормальной семейной жизнью. И вскоре нас завалили фотографиями толстого сердитого малыша и счастливой, улыбающейся мамы.

Бабушка долго всматривалась в изображения, вздыхала и ставила карточки за стеклянные дверцы серванта, где стояла посуда. Я, проходя мимо, легким щелчком отправляла их в нокаут, чтобы не видеть этой семейной идиллии, где для меня уже места не было.

– Ба, ты мне только пообещай одну вещь! – Как – то попросила я.

– Какую? – Уточнила бабушка.

Она никогда не давала обещаний, если не знала, что от нее просят.

– Мы не будем брать к себе брата, если и ему не будет подходить климат. – Уточнила я, не глядя на бабушку.

– Мама пишет, что скоро и тебя к себе заберут. Ты уже окрепла, а отца переводят в большой город.

– А тебя они заберут? Тебя в большой город?

– Куда ж я из Ленинграда?!

– Тогда и я вместе с тобой, – вздохнула я, радуясь, что принимаю правильное решение. – Пусть они там со своим Ванькой нянькаются!

– Да ты никак к братишке ревнуешь? Это плохо, Татьяна! Он теперь твой кровный родственник. Вы с ним и поддержите друг друга, и позаботитесь, когда уж нас не будет. Ты радоваться должна, что не одна теперь на свете остаешься.

Но в большой город меня не взяли. Вместо этого, мы пошли в ближайшую школу и записали меня в первый класс.

Учиться мне нравилось и нравилось ходить в школу, где красавица – учительница рассказывала много интересных вещей. Нам читали смешные и трогательные истории. И у меня всегда было чувство, что я иду не в школу, а собираюсь каждый день в театр.

Бабушка выдавала мне по утрам наглаженную форму, вплетала в косы банты и провожала до Львиного мостика, дальше я шла одна. Школа была совсем рядом.

* * *

В старших классах я спохватилась, что мне пора бы уже влюбиться. Все девчонки в нашем классе томно вздыхали и шептались по углам о своих тайных Ромео. И только я одна выпадала из этого круга избранных.

Я начала присматриваться к своим одноклассникам, пытаюсь определить – подходит тот, или иной кандидат на роль моего сказочного принца. Но не находила отклика ни в своем сердце, ни в душе. Мальчишки, как мальчишки, что в них интересного.

В нашем дворе жил один мальчик – Сашка Мухин. Был он худым и длинным. Сашка учился в Вагановском училище; ходил, странно разворачивая ноги, и сильно задавался. В него были влюблены почти все девчонки нашего дома с первого по десятый класс. Становиться еще одной в этой длинной очереди мне абсолютно не хотелось.

«А вдруг, вся моя жизнь закончится, и я не встречу мальчика, за которого смогу выйти замуж?» – с ужасом спрашивала я у соседки Нади.

«Так не бывает! – Успокаивала Надежда. – Все люди женятся!»

«А вот и не все, Надечка! – возражала я. – Вот бабушка моя же не женилась! Значит, так никого и не встретила».

Надежда надолго задумывалась и посматривала на меня с легким сочувствием. У нее самой было целых три кавалера. И Надежда каждый раз придумывала способы, чтобы развести своих ухажеров по разным углам и не дать им встретиться всем вместе. Она давала им невыполнимые поручения, выдумывала многочисленные болезни себе и своим родителям, чтобы ей не назначали свиданий. Приходила ко мне жаловаться на их упорство; но в тайне, я видела, она получала от всей ситуации удовольствие. А я завидовала.

Мне тоже хотелось назначать встречи и выбирать себе платье к свиданию, придирчиво рассматривая себя в зеркале и рассказывать подружкам о наших разговорах и демонстрировать засушенную розу, едва вдыхая ее тонкий аромат.

Ничего, абсолютно ничего этого не было в моей жизни. В отчаянии я даже пожаловалась бабушке на свое одиночество.

– Ты это о чем думаешь, Татьяна? – Грозно напустилась на меня она. – Ты должна думать об учебе, школа еще не закончена! Я за тебя ответ держу перед родителями.

Я разрыдалась от такого непонимания, а бабушка вдруг тихим голосом произнесла:

– Не надо искать любовь! Она сама придет, когда ты будешь готова!

– Да когда же это будет? – всхлипывала я.

– Будет, Татьянка, будет! Может, и не та будет, какую ты ждешь...

* * *

Автобус остановился посреди поля; несколько человек вышли и бодро пошагали по дорожке, ведущей к лесу.

Я, оставшись в одиночестве, стала оглядываться. Надя обещала прислать шофера, чтобы довезти меня до ее дома.

С некоторых пор моя старинная подруга и бывшая соседка по коммуналке, удачно вышла замуж и жила за городом в большом и красивом доме. Я была у них частым гостем, помогала Надежде готовиться к праздникам, баловалась с ее близнецами. Ее муж – Федор – был радушный, веселый, большой и толстый. Глядя на него, я каждый раз удивлялась: как он может сохранять свой веселый нрав и интеллигентность в нашем жестоком мире? У Федора была крупная адвокатская контора, и с жестокостью он сталкивался постоянно.

В их доме всегда было тепло и спокойно. Время текло неторопливо, за этим зорко следили большие напольные часы, точно отбивая каждую четверть часа. На белых стенах были развешаны яркие рисунки и детские фотографии. Под ногами путалась крошечная собачка – Маура – Неполина... – а в народе просто Манька и громадный кот Сапфир с оранжевыми глазами. Неразличимые светловолосые близнецы – Севка и Славка с криками носились по дому или затихали в одной из комнат, и этой тишины всегда было слишком много. Надежда начала нервничать и бежала на поиски.

Я в нерешительности топталась на остановке. Пассажиры бодро удалялись по дорожке, превращаясь в темные штрихи на белом снегу.

Солнце, еще несколько минут назад светившее так яростно и ярко, нещадно слепившее глаза, вдруг устало надулось, налилось багряным тяжелым светом и стало медленно клониться к земле. Сумерки выплывали из-за леса, неторопливо укрывая все темной пеленой, приглушая дневной свет, гася яркие краски дня, вытягивая тени.

Все детство я представляла, что Солнце действительно остывает к вечеру, отдыхает, чтобы утром вновь разгореться и согревать все своим теплом. Правда поразила меня несказанно. Оказалось, наше Солнце горит непрерывно, без усталости и отдыха. И мне каждый вечер, глядя на красный диск, становилось грустно от этого, и я жалела трудягу – Солнце. Вот и сейчас что-то взгрустнулось...

Я полезла в сумку в поисках телефона. Может, Надя звонила мне, а я не слышала звонка в шумном автобусе. В необъятных недрах сумки попадались многочисленные составляющие женской жизни: помада, несколько зеркал, кошелек, маленькие блокнотики, засохшие конфеты, бумажки, старые чеки, салфетки, пара одиноких таблеток, давно потерянные перчатки и даже солнечные очки. Не было только мобильного телефона. Легкая паника охватила меня. Как жить то без него прикажете? Ни сообщить о приезде, ни узнать, где водитель, ни связаться с миром вообще!

Захотелось крикнуть:

«Люди, подождите меня, я с вами!»

Но людей уже видно не было. Все скрылись в темном лесу. Это даже не лес был, а так, узкая полоска, в несколько десятков метров шириной, отделяющая поселок от шумной дороги и любопытных глаз. Летом Надежда с мальчишками часто приходили меня встречать к автобусной остановке. И мы потом весело шагали через лесок все вместе.

Но сейчас перспектива прогулки в наступающих сумерках и в полном одиночестве не вызвала у меня радостных чувств. Как там говорится: «Дорогу осилит идущий?» Вздохнув, я расправила плечи, намотала на голову и шею свое оранжевое чудо – о красоте и моде уже не думалось – и потрусилась, подпрыгивая, к коттеджному поселку «Заозерный».

Меня грела мысль, что через пятнадцать минут я сяду у пылающего веселым огнем камина, возьму в руки чашку с горячим ромашковым чаем и буду слушать Надюшкины ука-

зания: чем кормить кота и что нельзя давать Маньке и где включается котел, если он вдруг остановится. К устным указаниям прилагался длинный список на нескольких страницах, где Надя подробно описывала, что где лежит и как чем пользоваться.

Впрочем, я знала это уже лучше самой хозяйки дома. Два года я с удовольствием приезжаю к Надежде на зимние каникулы и остаюсь в их огромном доме в счастливом одиночестве, пока моя подруга с семейством путешествует по миру.

Мне намного приятней находиться в опустевшем поселке в праздничные дни, чем слушать радостные вопли соседей и прохожих под окнами.

Многие жители поселка уезжали на Новогодние праздники, заботливо украсив гирляндами свои осиротевшие дома. Где-то оставалась прислуга, но, как правило, шуму она не производила.

По протоптанной дороге побежали снежные ручейки – поземки. Сначала узкие, робкие, но скоро они превратились в настоящий буран. Снег окружил меня со всех сторон: мело под ногами, падало сверху. Я подняла лицо к небу, такому ясному еще несколько минут назад: «Откуда он взялся этот снегопад? Прямо, как у Гоголя. Солоха с чертом взялись за старое?» Я на мгновение остановилась. Сегодня же двадцать четвертое декабря – ночь перед Рождеством. Католическим, но все – же...

Колючий снег больно бил по глазам, и я старалась их не открывать. Продиралась сквозь снежную пелену наугад. Иногда моя нога проваливалась в глубокий снег, это означало, что я схожу с тропы и мне надо взять немного левее.

«Видимость – ноль! Иду по приборам! – Пробормотала я. – Хотя, огням поселка уже пора было бы показаться!»

Но, открыв один глаз, я увидела все те – же елки.

– Ничего не понимаю. Где поселок? – произнесла я вслух.

– Р-р-р!

Услышала я в ответ.

– Ой! Волк! – Испугалась я. – И что мне с тобой делать?

На тропинке между елями стоял огромный волк, запорошенный снегом. Широко расставив лапы и наклонив большую голову, он смотрел на меня и рычал. Одно ухо его было задрано вверх, другое повисло, и от этого волк был еще ужасней. Он напоминал мне бандита из подворотни, от которого ожидаешь чего угодно и с которым невозможно договориться.

– Радуйся, что нашел Рождественский ужин? – Пошла я в наступление. – Не радуйся раньше времени. У меня шарф знаешь, какой длинный? Подавишься! Все – таки не зря я его вязала. Пригодился шарфик.

– Бандит! – услышала я мужской голос.

– Люди, помогите! – закричала я противным тонким голосом. (От страха, наверное). – Волки!

Волка мой голос тоже неприятно поразил, он даже сел, а потом вскочил и бросился наутек.

Я без сил опустилась на дорожку. Дрожащими руками зачерпнула пригоршню снега и протерла разгоряченное лицо. Снег тут же начал таять, тонкими струйками потек за воротник, намочил пресловутый шарф и моментально стал переходить в твердое состояние.

– Однако, мороз! – продолжала я разговаривать сама с собой и неуклюже стараясь подняться.

Рукавицы мои куда – то делись и руки проваливались в глубокий снег. Я попыталась подняться без помощи рук, но сделать это оказалось не так – то просто. Ноги тоже проваливались, не находя опоры.

– Да что же это? Так и погибну в сугробе во цвете лет? Люди! – Крикнула я изо всех сил. Ведь кто – то же кричал минуту назад или мне это померещилось?

Какая – то сила подняла меня над землей и вытащила из сугроба, пытаюсь придать вертикальное положение. Но ноги предательски подгибались, не получая команды от мозга. А мозг, не понимая происходящего, был практически в коме.

– Да что с вами? Становитесь вы, женщина! Вы ненормальная? – услышала я человеческую речь. Кто – то крепко держал меня сзади, не давая упасть.

– Люди? – прохрипела я, одновременно напрягая мозг.

– Люди, люди! Что с вами, гражданочка?

– Тут волк огромный пробегал. Такой голодный, страшный!

– Бандит!

– Точно, на бандита похож, – обрадовалась я, поворачиваясь к своему спасителю. – Ой, вы кто?

Рядом со мной стоял высокий, широкоплечий красавец.

– Я – люди! – проговорил мужчина, спрятав улыбку в светлую, припорошенную инеем бородку.

– Вы – невероятно красивый, – пролепетала я, – на мушкетера, какого – то похожи. (Видимо, мозг еще не достаточно подключился).

– Откуда ж вы такая?

На меня смотрели насмешливые, немного знакомые глаза.

– Я в «Заозерный» иду. Меня должны были встретить и не встретили. А тут снег повалил, дорожку замел, и волк пришел, – сообщала я последние известия.

– Это не волк, это мой пес – Бандит. Мы с ним гуляем.

– В такую погоду хороший хозяин собаку не выгонит, – вспомнилась мне народная мудрость.

– Я только вернулся с работы. Надо же собачке побегать?

А вы, наверное, к нам на работу в «Заозерный»? Перед праздником много забот.

Объяснять было долго: про себя, про Новый год, про мою подругу Надю. И я промолчала. Какая разница, что думает обо мне этот красавец.

– Давайте, мы вас проводим, – предложил спаситель. – Бандит! – крикнул он.

И прямо перед нами возникло одноухое чудовище, виляя хвостиком.

– А что у него с ухом? – спросила я, чтобы поддержать разговор.

– Порвал в боях, – сухо прокомментировал хозяин Бандита. – Мы поэтому и гуляем с ним в лесу, чтобы оградить соседей от стресса. Боятся нас с ним в поселке.

– Да куда же поселок ваш пропал? Иду, иду уже целый час.

– Да вот он, женщина, – он протянул руку, и я увидела уютно светящиеся окошки.

«Сам ты, женщина!» – обиделась я.

– Ну, дальше я сама, спасибо! Мы с вами не встречались? – вдруг задала я вопрос, который не давал мне покоя.

Незнакомец рассмеялся, махнул мне рукой и удалился.

«Действительно смешно! Где бы я могла встретить такого красавца в своей жизни? И не артист, вроде. Мы с ним живем в параллельных мирах».

Пройдя мимо будки охранника, я побежала к дому подруги. Дом сверкал всеми окнами. Я представила, как там должно быть весело и тепло. Но подойдя совсем близко, заметила машину Скорой помощи, стоявшей недалеко от ворот.

«Что же там произошло?» – заволновалась я и стала со всей силы давить на кнопку звонка.

Дверь мне открыл водитель Федора, который должен был меня встретить.

А за его спиной суетились врачи, и Надя спешно надевала куртку, что – то ласково приговаривала тому, кто лежал на носилках.

Маленькая теплая ладошка взяла меня за руку.

– Ты Славка? – шепотом спросила я.

– Ага.

– А что у вас случилось?

– У Севки живот заболел сильно. Мандаринов объелся. Тань, а это не заразно?

Близнецы всегда болели хором. Стоило одному чихнуть, как тут же другой подхватывал и поддерживал брата. Но заразна ли боль в животе, этого я не знала.

– Тань, ты побудь со Славиком, а я пока в больницу поеду. Аппендицит у нас. Федор задерживается. Я тебе звонила, звонила. Что – то мне еще надо было сделать?..

– Поезжай, Надюша! У нас все будет хорошо, – заверила я подругу.

– Тань, а этот пенацид заразный? – волновался Славка.

– Пеноцид? – удивилась я. – А, нет, не должен быть заразным.

– А как думаешь, мы без Севки на острова поедим?

– А ты сам как думаешь? Ты бы обрадовался, если бы тебя в больнице оставили, а сами на Сейшелы укатили?

– Я бы понял, – начал выдумывать Славка, – семье надо отдохнуть на островах, искупаться в океане. А то, как же? И билеты на самолет есть. Самолет же без нас улететь не может?

– Ну, ладно! Тогда я Наде скажу, чтобы они с Федором одни летели. Я с тобой буду, Севка в больнице. Все пристроены.

– А почему это ты со мной? Я же не болен, я могу лететь.

– Да так, на всякий случай. Вдруг, у вас это заразное... Пойдем лучше чайку попьем, а то я замерзла в вашем лесу, да еще переволновалась, когда волка встретила.

– Волка в нашем – то лесочке? – голос мальчика задрожал от возбуждения. Ему не терпелось услышать рассказ.

* * *

Через несколько часов, когда я уложила Славика спать, рассказав ему в сотый раз про мою встречу с волком в Новогоднем лесу, вернулись усталые родители.

– Все, прооперировали. – Всхлипнула Надежда. – Надо же, как не вовремя.

– Наоборот, вовремя! – Утешила я подругу. – Представь, если бы это случилось в самолете или на ваших островах?

– Теперь придется Новый год здесь встречать, – вздохнула Надя. – К праздникам его должны выписать, но лететь все равно будет еще нельзя.

– Тогда я завтра елку привезу! – оживился Федор.

– А я домой поеду, – сказала я бодрим голосом.

– Даже не думай! – строго произнесла подруга. – С нами будешь! И не ной мне про свою болезнь нелюблюновыйгод. Танюш, у меня нет сил с тобой спорить, я тебя просто не отпускаю. Ты нужна мне здесь! И к тому же все наши друзья и любимые соседи разъехались, а с нелюбимыми мы праздники не отмечаем. Так что будет праздник в узком семейном кругу.

«А еще будет елка, салют и мандарины!»

Позже я стояла у окна и смотрела, как медленно падают большие пушистые снежинки. Ветер стих, но снег продолжал идти, словно готовясь к какому – то таинству, прихорашивая землю, успокаивая все живое.

– Сколько лет ты Новый год не праздновала? – Таня, уложив своих мужчин, подошла ко мне и тоже стала смотреть на небо.

Было так спокойно и немного волнительно и совершенно не хотелось думать о плохом.

– Да я и не помню, – пожала я плечами. – Не хочу помнить, подсчитывать. Надюшка, я уеду завтра утром тихонечко. Ты даже не заметишь, что я была.

– И ты бросишь меня одну с больным ребенком и кучей проблем? – совсем по – детски протянула подруга.

Я замялась, не зная, что ответить.

– Все, – строго произнесла Надежда, – закрыли тему. – Я так рада, что мы вместе будем встречать Новый год. – Со смущенной улыбкой добавила Надя. – Правду говорят: «Нет худа без добра!» Не заболеет наш Савелий, сидела бы я сейчас под пальмой, а ты бы вновь осталась со своим одиночеством. А так мы снова вместе, как в детстве. И пусть всегда будет так...

Утром Надежда бегала по дому с телефонной трубкой. Кого – то уговаривая, одновременно что – то записывая на листе бумаги, давая указания Федору, который торопливо собирался.

– Чем тебе помочь? – спросила я.

– Так, сейчас заедем в больницу к Савелию, потом я записала нас в парикмахерскую, до праздников еще конечно далеко, но потом попасть будет совершенно невозможно.

– Ты же говорила, что у тебя проблемы? – напомнила я.

– А ходить с такой головой по – твоему, не проблема? – искренне удивилась подруга. – Я думала, для океана моя голова сойдет.

– Но мне – то в парикмахерскую не надо, – успокоилась я. – Давай я лучше что –нибудь полезное сделаю.

– Ты считаешь тебе не надо? – задумчиво глядя на меня, проговорила Надежда.

– Конечно! Я прическу делала только на выпускной и...еще пару раз.

– Хочешь изменить судьбу – измени внешность, – пробормотала Надя.

– Вам так повезло, – загадочно улыбнулась девушка – администратор в салоне, – Андрис поменялся сменами и вышел сегодня!

– Что вы говорите? – Обрадовалась Надежда. – А я уже отчаялась к нему попасть – это настоящий праздничный подарок! Слышишь, Татьяна?

Я безучастно кивнула. Имя Андрис мне ровным счетом ничего не говорило. Я знала только одного Андриса, но к парикмахерскому делу он не имел никакого отношения.

– Тогда сначала мою подругу! – торжественным шепотом произнесла Надя, словно отдавала меня в руки волшебника.

Мы вошли в просторный сверкающий зал, где работало несколько мастеров; звучала ритмичная музыка, слышался смех, обсуждались предстоящие праздники, поездки.

– Андрис! – воскликнула Надежда и бросилась обниматься с субтильным, невысокого роста пареньком со странным розовым ежиком на голове. – Ты сменил имидж? Стал похож на инопланетянина! – Веселилась она.

– Я в поиске, – жеманно махнув рукой, проговорил парнишка, и бросил быстрый взгляд на свое отражение в зеркале. – А ты чего не улетела?

– Да у близнеца аппендицит вырезали. Придется теперь дома сидеть. Но ничего мы после праздников сгоняем. Муж перенес свой отпуск на неделю. Будет еще лучше. Народу меньше.

– А я люблю, когда людей много. Всегда в такие места езжу, многолюдные.

– Ну, это по – молодости хорошо, а когда начинаются дети... – махнула рукой Надежда.

– Давай садись, а то у меня сегодня клиентов, – мастер поднял глаза к небу. – И свои и чужие! Начнем!

– Нет, Андрис! Начни, пожалуйста, с моей подруги. Ты ей очень нужен. А я пока в соседний зал пройду, на массаж. – И кивнув нам на прощанье головой, скрылась за зеркальной дверью.

Парнишка пристально смотрел на меня, не говоря ни слова; потом, издав протяжный вздох, усадил в высокое кресло.

– Как называется ваш цвет? – хмуро рассматривал он мои волосы.
– Не знаю, – пролепетала я, вжимая голову в плечи.
– Ну, на коробке, что было написано?
– На какой коробке? – Я готова была уползти с этого кресла.
– Вы чем вообще краситесь? – Мастер тоже терял терпение.
– Я ничем не крашусь, – это мой натуральный цвет. (Прямо Раиса Захаровна из любимого фильма).

Последовала долгая пауза. Андрис непонимающим взглядом изучал мое отражение в зеркале, открывая и закрывая рот.

– Вы откуда приехали? – наконец произнес он.
– Бабушка забрала меня из Азербайджана, но это было давно, еще тридцать лет назад.
– И вы тридцать лет живете в Питере и ни разу не красили волосы?
– Ну, да! А зачем? Седины еще нет.
– Нет, это что– то особенное. Я не зря сегодня пришел. Кому расскажу – не поверят! Ну, что ж работы будет много, – пробормотал Андрис и, развернув меня спиной к зеркалу, накрыл красивой пелериной.

Никогда в своей жизни я не проводила так много времени в парикмахерской. Мою голову чем – то мазали, смывали, снова мазали, весело щелкали ножницы, жужжала бритва, гудел фен. Наконец, звуки смолкли, меня медленно повернули к зеркалу и нервным движением сдернули завесу.

– Закончил! – выдохнул Пигмалеон.

Вокруг толпились люди, все поздравляли Андриса непонятно с чем, восхищенно вздыхая, а я не могла найти себя среди всей этой массы людей.

«Может, это другое зеркало, которое видит только мастер? – Думала я. – А когда я увижу себя?» Но вслух я ничего спрашивать не стала, а послушно сидела и ждала.

– Ой, ну что же вы молчите, девушка? – спросил кто-то.

– Она потеряла дар речи! – произнес другой голос и все дружно и, как – то нервно засмеялись.

– Андрис, а где моя подруга? К зеркалу подошла Надежда, я видела ее отражение.

Парень, скрестив на груди руки, стоял, слегка покачиваясь в разные стороны с улыбкой победителя на устах.

– Она уже ушла? – Надя стала крутить головой, обводя зал глазами.

– Я, конечно, не волшебник, но и я кое – что могу, – проникновенно произнес Андрис и слегка обнял меня за плечи, выталкивая из кресла.

И тут до меня дошло, что та огненно – рыжая девица с кудряшками в кресле не кто иной, как я... На минуту мне стало плохо. В голове застучало, к глазам полетела стая черных мух, во рту пересохло.

– Боюсь, Надюшка, ты видишь перед собой меня, – прошелестела я онемевшими губами.

Надя, широко открыв глаза и рот, смотрела на мое отражение.

– Господи, Таня, какая ты...?!

– Какая? Какая я, Надя? Я не понимаю! Я не узнаю себя!

– Другая, – прошептала подруга.

– Конечно, это шок, девушки, – тоном лектора воскликнул Андрис. – Человек ни разу не менялся в своей жизни. Ходила, как мышь с хвостиком. И цветом, кстати, тоже похожая. А тут так радикально, так смело. Цвет – хит сезона – «мандарин на снегу», легкая химия и безупречная стрижка. Кстати, я учел, что навыков делать себе укладку, у вас нет. Поэтому, мою стрижку достаточно слегка взлохматить руками и можно жить не напрягаясь. Садись, Надежда! С тобой я быстро разберусь, тут мне каждая прядь знакома.

Я осталась стоять посреди зала, не понимая, что произошло, Надежда тоже не могла ответить от меня глаз. И в них читалось не только удивление.

* * *

– Тань, ты похожа на мандарин неочищенный! – заявил Севка, когда мы приехали к нему в больницу, и после того, как Надя долго доказывала ему, что рыжая тетка у него в палате, это Татьяна.

– Я и сама себя так ощущаю! – вздохнула я.

– Нет, лично мне нравится! – смиловился мальчик, такая праздничная стала, такая новогодняя.

– Правда, Танюшка, хорошо! Только очень неожиданно. Но Андрису виднее. Он всех чувствует на своем тонком уровне. Знает кому, что идет! Еще никогда не ошибся. И знаешь, после его стрижек у людей начинается новая жизнь. Тебе же нужна новая жизнь? – В который раз лепетала Надежда.

Я не могла однозначно ответить на этот простой вопрос. Раньше, мне всегда казалось, что новое – всегда должно быть лучше старого. Иначе, зачем же тогда перемены? Но, оказалось, что иногда перемены приносят в нашу жизнь не только хорошее.

Оставив хныкающего Савелия в палате и дав ему честное – пречестное слово, что завтра мы заберем его домой, мы быстро продвигались по длинному пустынному коридору. Перед праздниками люди болели только в исключительных случаях.

Из – за угла на нас вышла целая толпа смеющихся студентов, в белых халатах и с масками на лицах. Молодежь вел высокий, красивый эскулап, который удивленно взглянув на Надю, замедлил шаг. А несколько пар глаз уставились на меня, точнее на то, что было на моей голове.

– Я начинаю приковывать к себе внимание! – Повернулась я к подруге.

Но Надежда стояла, привалившись к больничной стене, прикрыв глаза.

– Надь, тебе плохо? – испугалась я за подругу. – Врача позвать?

– Все нормально, Танюша! Голова немного закружилась, сейчас пойдем!

Надя глубоко вздохнула, и улыбнулась мне какой – то жалобной улыбкой.

– Сейчас заедем в торговый центр, выпьем кофе, и все пройдет.

* * *

В машине Надежда спохватилась, – если будет в доме стоять елка, то под ней должны лежать и настоящие подарки.

– Понимаешь, в наших поездках мы как – то обходились без традиций. Дарили, конечно, небольшие подарки, но сейчас – то все по – настоящему. Дом, елка, снег вон какой сказочный. Да и Севку надо порадовать. Говорят, при положительных эмоциях у человека все быстрее заживает.

– Да не оправдывайся, Надь! Надо, так надо! Я только себя не очень у вас представляю на празднике. Буду сидеть с кислой миной, и скрипеть зубами.

– А ты не скрипи, представь, что это мой день рождения!

– Мне тогда тоже надо вам подарки купить! – Я не заметила, как включилась в предпраздничные хлопоты.

Мы принялись обсуждать новогоднее меню. Федор категорически настаивал на салате «Оливье». Говорил, что даже не помнит, когда его ел в последний раз, что он ему во сне снится. Набралось еще несколько традиционных блюд, которые так любит наш народ готовить для новогоднего стола.

– Ну вот, видишь, сколько дел предстоит? И ты хочешь оставить меня с ними наедине? У меня только няня осталась из помощников, остальные уже разлетелись на праздник.

В магазинах мы провели весь оставшийся день, толкаясь между такими же несчастными. Главное было придумать, что надо купить! С идеями у всех было неважно. Поэтому народ в основном скупал парфюмерию: многочисленные духи, одеколоны и наборы косметики. Женщины придирчиво рассматривали мужские шарфы и перчатки. В детских магазинах молодые отцы отупело, перебирали яркие коробки с трансформерами, железной дорогой. Весело уходили из отделов вислоухие зайки и большие мягкие медвежата.

– Хочу купить такую старую игру с фишечками и кубиками. Помнишь, Надь? Когда можно было проходить из подzemелья к замку, минуя пещеры людоедов, темные леса и всякие реки и овраги. Вот было интересно! Но что-то я ничего похожего не нахожу.

– И не найдешь! Такие давно уже не выпускают. – Вздохнула Надежда. – Пойдем «Лего» посмотрим. Они им с удовольствием занимаются. Пара часов тишины и покоя нам гарантированы.

Федору нашелся подарок в книжном магазине. Красочное издание: «Все о рыбалке». К книге прилагался набор ярких блестящих рыбок в прозрачной коробочке.

– Надь, а это детям рыбака, я что-то не пойму, зачем здесь эти игрушечные рыбки?

– Все потому, что ни разу не была с нами на рыбалке! Это воблеры, – пояснила подруга, – цепляешь на спиннинг и наживка готова. А цвет разный, для разных рыб и цвета воды.

– Так бы и сказала – наживка. А то слово такое выдумали – воблеры!

– А я Федору куплю новый костюм для рыбалки, а то он из своего старого вырастает. – Хихикнула Надежда.

Я взяла в подарок еще несколько дисков с фильмами и, ускользнув от Надежды, сумела быстро купить ей ночную пижаму с трогательными мишками.

Все покупки мы завернули в пеструю бумагу, отстояв приличную очередь к двум молоденьким девушкам. Девчонки работали так весело и споро, что народ, открыв рты, с удовольствием наблюдал за тем, как их многочисленные коробки и свертки превращаются в таинственные новогодние подарки.

Дома Славик остался совершенно равнодушным к моему новому образу, хотя я всю дорогу придумывала, как буду объяснять мальчику свое изменение. Его гораздо больше заинтересовали наши многочисленные свертки, которые мы опрометчиво внесли в дом.

– Надо было в машине оставить, – произнесла Надежда, но было поздно.

Соскучившийся Славка радостно выбежал нам навстречу и остановился в дверях, пораженный таким количеством праздничных коробок.

– Это что? – спросил он шепотом. – Это все мне?

– Славочка, но почему только тебе? – Удивилась Надя.

– Так Севки то нет! – Логично возразил мальчик.

– Слава, это всем на Новый год. Подарки должны лежать под елочкой.

– А взрослым тоже нужны подарки? – Искренне удивился мальчик.

– Конечно, взрослые тоже любят подарки; может быть, еще больше детей! – Мечтательно улыбнулась Надюшка. – Вам и так часто покупают книжки, игрушки, одежду. И дарят даже без поводов, просто так. А у взрослых только Новый год и день рождения. Как думаешь, любим мы подарки?

– Ну, если так, то ладно! Пусть будет всем! А Севку до Нового года выпишут, ему уже можно будет домой? – Задумчиво глядя на явно уменьшившуюся кучу потенциальных подарков, спросил Славик.

– Дома будет твой брат, только ему нельзя будет в активные игры играть.

– Это, какие? – Оторвался мальчик от созерцания.

– Бегать, прыгать, бороться.

Славка на минуту погрузился в тяжелые раздумья; потом, недоуменно пожал плечиками, что могло означать: «а чем тогда заниматься?», но больше вопросов не задавал.

Мы сложили свои свертки в прихожей и прошли на кухню.

– Да, отвыкла я от таких приготовлений. Детский день рождения и то проще пережить! – Вздохнула Надежда.

Позже приехал Федор с огромной елкой.

– Федь, ну куда ты такую большую? – Сетовала Надя.

– А гулять, так гулять! Раз уж мы дома остались!

Славка уже не мог сдерживать свои эмоции. Он просто стоял на месте и прыгал, одобряемый звонким лаем Маньки.

– Вот это елка! И под ней будут все эти подарки! И еще Дед Мороз принесет нам то, что я написал ему в письме! – Вопил мальчик.

– Славочка, а письмо ты уже отправил? – Спросил Федор.

– Да, сегодня с няней бросили в почтовый ящик на углу. Ты не волнуйся, Света сказала, что надо наклеить много марок, тогда письмо дойдет быстро!

Федор вопросительно взглянул на девушку, и та еле заметно кивнула головой. Федор облегченно вздохнул. Эти взгляды означали: «Вы знаете, что в письме?»

«Успокойтесь, все в порядке. Знаю».

* * *

Мальчишки крутились под ногами, разрываясь между столовой, где стояла сверкающая огнями пышная ель и кухней, где в духовке пеклись новогодние печенья, которые мы делали всей семьей.

– Представляете, как здорово, что я заболел! – воскликнул радостный Севка, когда у него получилось с пятой попытки сделать из теста симпатичную елочку.

– Что ты такое говоришь? – удивились мы.

– Если бы я не заболел, ничего этого не было б! – широко развел руки в стороны Сева. – Ни елки, ни подарков, ни печенья! В следующем году, пусть Славка болеет, тогда мы снова дома останемся.

– А разве вам не нравилось улетать к теплomu морю? – искренне удивилась Надежда.

– Оказывается, дома лучше! – немного подумав, изрек Савелий.

– Устами младенца, – хохотнул довольный Федор, засовывая себе в рот кусок колбасы.

– Стол на шестерых накрываем, – крикнула мне в след Надежда, когда я направилась с тарелками в столовую.

– И кто ваш загадочный гость? Ты вроде говорила, что все разъехались?

– А помнишь, тот симпатичный домик, который тебе так нравился? Мы к нему всегда гулять раньше ходили и удивлялись, что в нем никто не живет. Оказалось, его хозяин – это Федин приятель. Он переехал совсем недавно. Живет один и на праздники никуда не уехал. Как было не пригласить?

– А мы с ним раньше встречались?

– Ну, может, по телевизору. Он недолго работал корреспондентом, вел военные репортажи, потом за границу уехал. А сейчас, кажется, в газете работает. Он славный, мальчишкам нравится.

Это был аргумент. У наших мальчиков, как впрочем, и у многих детей, было чутье на хороших и плохих людей. Если они оставались в комнате, где были взрослые и сидели тихо, как мышки, значит, в дом пришли друзья. А если они начинали бегать, шуметь и кричать, не реагируя на окрики домашних, словом, вести себя совершенно неподобающим образом, то лучше от таких людей держаться подальше.

У меня внутри затрепетала какая – то ниточка, легкое волнение пробежало по спине и запуталось в рыжем, кудрявом затылке.

«Весь вечер на манеже Рыжая Тата!» – подмигнула я своему отражению в большом зеркале, и пошла расставлять тарелки.

* * *

Когда часы пробили одиннадцать раз, раздался звонок в дверь. Мы рассаживались за праздничный стол.

Я осталась в своих черных брюках и белой блузке, только вдела в уши потрясающие нефритовые серьги – Надин подарок. Зеленые камни немного отвлекали от огненного цвета волос и красиво перекликались с моими глазами.

– Тань, ну надень вот эту блузку! Она тебе подойдет! Смотри, какая широкая и удлиненная, как туника! – Канючила Надежда, держа в руках сказочной красоты текстильное изделие в пенных кружевах.

– Да не в размере дело, Надюшка! Просто не могу я чужое надевать, даже твое, ты же знаешь! Не обижайся!

– Но у нас, же форс мажор, – не сдавалась подруга.

Я покачала головой. Размеры у нас с Надеждой действительно разные. Она стройная, среднего роста, с высоким бюстом. А я – ровная, как говорила бабушка. Грудь, точнее ее отсутствие, талия, бедра – все одинаковое. Плюс рост и размер ноги, больше подходящий для мужчины.

– Тань, ты хоть лицо раскрась, – робко попросила подруга. – А то ты совсем потеряешься, только мандарин один на голове и светится.

– Это ты права, подруга! – Бросив быстрый взгляд в зеркало, я снова пару секунд не могла узнать свое отражение. (И когда только привыкну?)

Вздыхнув, я достала свой заветный чемоданчик.

– И меня накрасишь? – обрадовалась Надежда.

«И как ты, Танюша, можешь так пренебрежительно к себе относиться? Ни помады на губах, ни туши на ресницах? Ладно бы бухгалтером была, или учительницей. А то работает гримером! Знает, как одним штрихом из серой мышки красавицу сделать и не злоупотребляет своим служебным положением! У тебя отличная модельная внешность! Только ты этим пользоваться не умеешь!» – Часто говорила мне Надежда.

Может, и не умею, но теперь уже поздно учиться. В моем возрасте модели уже уходят на пенсию. А я продолжаю трудиться, и еще долго буду лепить носы и клеить усы и бороды на своем родном Ленфильме.

Бабушка успела передать мне секреты своего мастерства и привести на любимую киностудию. Меня еще долго называли просто «внучка Таня». Пока я не загримировала нашу костюмершу Наташу под известную актрису, и она ходила в таком облике полдня, приводя окружающих в легкий ступор. Тогда все признали, что я имею право на совместное проживание в этой святыне.

* * *

Федор ввел в столовую моего давешнего красавца, только без собаки. Сейчас я разглядела, что лицо его разрезает узкий и длинный шрам, начинающийся у виска и теряющийся в светлой бороде. Вчера вечером под мохнатой шапкой и пушистым шарфом я его не разглядела.

– Андрей – прошу любить и жаловать! – Церемонно представил гостя хозяин дома.

Тот принялся доставать из яркого пакета коробки конфет, жестяные банки с печеньем, бутылку дорогого шампанского.

– А еще я принес фейерверк, – подмигнул он мальчишкам, будем запускать в небо звезды.

– Ура! – радостно крикнули близнецы. – Идем!

– Нет, сейчас никто никуда не идет. Все встречаем Новый год! Вы, что забыли, ради чего собрались! – Замахала руками Надежда.

– А че ждать – то? – Искренне удивились мальчишки. – Елка уже стоит, подарки под ней лежат, печенье испекли, и салат папа попробовал. Айда на улицу, – радостно загалдели они.

– А ведь они правы, – засмеялся Андрей.

– Ну, что вы, Андрюша! Не поддавайтесь на провокации! Часы должны пробить полночь, только тогда один год сменит другой. Тогда можно открыть подарки под елкой и выходить на улицу. А сейчас не мешайте Деду Морозу. Ему лишние свидетели не нужны. Он работает. – Наставительно произнесла Надя.

При упоминании о Деде Морозе мальчишки одновременно опустили на свои стулья и сидели так в молчании и задумчивости несколько минут.

За это время Федор разлил всем в бокалы шампанское, минуя меня и мальчиков. Нам был налит брусничный морс.

Андрей пристально смотрел на меня, не решаясь о чем – то спросить.

– Я та, которую вы спасали в лесу от злого волка, – сжалилась я над мужчиной.

– Ой, – спохватилась Надежда, – это моя подруга из далекого детства – Татьяна. Мы с ней знакомы даже дольше, чем вы с Федором.

– Очень приятно, – кивнул Андрей. – А почему подруга пьет наравне с близнецами?

– Я не пью, – коротко ответила я.

– Даже в Новый год?

– В Новый год – особенно.

– Ладно, Андрюха, нам больше достанется, – вступился за меня Федор.

После полуночи, когда наши домашние часы пробили в унисон с кремлевскими, в дверь позвонили.

– Интересно, какие еще гости нас посетили? – загадочно улыбнулся Федор. – Пойдем, посмотрим, мальчишки! Вдруг, это враги? В поселке никого, а у нас свет в окошках. – И он стал на цыпочках подкрадываться к двери.

Мальчишки притихли и пошли за отцом.

– Я с вами, – подхватился Андрей.

За дверью никого не было. Только стояла огромная коробка, перевязанная красным бантом.

– А это еще что за сюрприз? – подбежала Надя. – Может, это не нам?

– Написано: «От Деда Мороза Савелию и Святославу».

– Это снегоход! – Захлопал в ладоши Славик. – Я написал письмо Деду Морозу, и оно успело дойти. – Ура! У меня будет снегоход!

– А у меня? – захопал глазами Сева. – Я же в больнице был...

– Эй, вы чего? – Удивился Федор. – Вам одного на двоих мало?

– Он же не писал письмо, – сопел Славка.

– Раз возникло такое недоразумение, то я беру снегоход себе, – провозгласила Надежда.

– На коробке написано: Савелию и Святославу, – попробовали робко возражать снизу. – Дед Мороз может обидеться.

– Он обидится сильнее, если вы начнете между собой спорить и ссориться из – за подарка. – Поддержал жену Федор.

– Предлагаю оставить разбор подарков до утра и идти гулять! – Предложил Андрей. – Смотрите, какая ночь сказочная. Тихо, светло и снежок красивый падает. Вы не забыли про фейерверк?

Да, вынуждена была согласиться с окружающими и признать, что эта Новогодняя ночь выдалась действительно необыкновенной. Легкой и абсолютно не страшной. Сначала я пыталась отогнать от себя чувство тревоги. Мне было неудобно ловить взволнованные взгляды Надежды, и я старательно улыбалась. Но веселая болтовня мальчишек, шутки Федора, Надино внимание, постепенно растопили мои страхи, и я решила полностью отдаться праздничному настроению.

Кто знает, может, кудесник Андрис действительно поменял мою судьбу, сделав меня почти неузнаваемой? И у меня больше не будет несчастных новогодних ночей?

* * *

После прогулки и фантастического фейерверка, мальчишки безропотно пошли спать. Сил на возражения у них просто не осталось.

Мы сидели в гостиной у горящего камина и тихо беседовали.

– А знаете, Андрей, нам всем очень нравился ваш дом, – вдруг сказала Надя. – Мы часто приходили к нему и гадали: какой же у него хозяин и что же он так долго в него не приезжает. Нам очень хотелось посмотреть, как там внутри. – Надя выжидательно смотрела на Андрея.

– Надюш, ты, кажется, напрашиваешься, – лениво проговорил Федор.

– Напрашиваюсь, – хохотнула Надежда. – Ты же знаешь, как я люблю смотреть дома? Страсть это у меня такая.

– Я с удовольствием вас приму в любое время, – немного смутился Андрей.

– Тогда сейчас, – вскочила на ноги Надежда.

– Ой, только не сейчас! Так хорошо сидим, почти лежим, – начал возражать Федор. – Тепло, уютно, камин горит. Опять же мальчишки спят. Я не хочу выходить на улицу. Там темно и морозно.

– Мальчишек наших до утра пушками не разбудишь. Камин потушим, идти близко. Вперед!

Федор, кряхтя, вылез из любимого кресла – если нашей Надежде что – то взбрело в голову, то с ней лучше не спорить.

– Я побуду дома. Посмотрю за мальчиками и камином, – осталась я сидеть.

– Нет! – топнула ногой Надежда. – Идем вместе. Мечты должны сбываться. Хотели мы красивый дом внутри увидеть? Вот и пожалуйте.

– Тоже еще мечта, – ворчал Федя.

– Ну, не мечта, а желание, – сдалась без боя подруга.

На крылечке, возле входной двери, свернувшись калачиком, спал Бандит. Увидев гостей, пес вскочил и встал в стойку, готовый напасть.

– Фу, Бандит! Это гости, это свои! – прикрикнул Андрей.

Сторож грозно рыкнул для порядка и помахал хвостом, приветствуя хозяина.

Мы бочком прошли мимо, опасливо глядя на могучего пса и заискивающе ему улыбаясь. Андрей слегка придерживал собаку за ошейник.

– Ой, – Надя удивленно подняла брови, заглядывая в просторную прихожую.

Всякое жилище – это портрет его обитателя. Не похожий на остальные дома поселка, выделяющийся интересными окнами и причудливо изогнутой крышей, дом не смог нас удивить своим внутренним убранством.

Мы с Надей надеялись увидеть что – то необычное, дизайнерское, с мужским характером. Глядя на Андрея, я ожидала, что дом его будет под стать хозяину – немногословным, сдержанным. Но внутри все было до крайности простенько и цветасто.

Кокетливые занавески скрывали овальные формы окон, которыми мы любовались снаружи, темные полы устланы пестрыми коврами, на стенах висели прозрачные акварельные пейзажи, в обрамлении тяжелых золоченых рам, перехватывающих внимание на себя. Все было пестро, каждая вещь громко заявляла о своей цене. Изысканностью здесь не пахло. На ее месте переливалось через край мещанство.

– Андрей, а интерьер вам дизайнер продумывал? – Робко спросила Надежда, чтобы заполнить неловкую паузу.

– В основном – да, – вздохнул хозяин дома. – Но пока я был в командировке, мама захотела приукрасить, на ее взгляд слишком холодное жилище сына. Там золотиночку добавила, туда коврики пристроила, занавески... Это я еще фонтанчик из прихожей вынес. Сказал, что разбил случайно. Но не обижать – же маму, она старалась. Я уже привык, но когда в первый раз увидел, подумал, что ошибся адресом.

Я попыталась мысленно убрать все излишества и ненужный текстиль. Да, в оригинале было куда интересней!

Мужчины, с загадочными лицами пошептавшись, удалились и вскоре мы услышали знакомый стук бильярдных шаров.

– Эх, руки чешутся убрать всю эту лепоту! – вздохнула Надежда. – Что же это у женщины со вкусом?

– Ты же слышала – маму обижать не хочет, примерный сын!

– Да, мамы старых холостяков – это особенный вид – страшная сила! Уж если взяли шефство над своими несчастными одинокими сыночками, то из своих цепких лапок не выпустят. Невесты уже не рассматриваются – все варианты ниже уровня моря. А если маман еще и одинокая женщина, то на мужика можно вывешивать табличку: «Берегитесь! Имею заботливую маму!»

– Наверное, это разные понятия: заботливая мама и любящая через край? – робко возразила я.

– Для несчастной, которая посмеет переступить порог жилища потенциального мужа – одинаковые. И знаешь, мне кажется, что мама Андрея и для себя в этом доме устроила уютное гнездышко, иначе так бы не старалась. Пойдем, проверим? Заодно и остальные пространства осмотрим, а то, что же мы тут одни остались. А хозяин хорош – бросил таких прекрасных гостей и улизнул. Мы, что же сами себя должны развлекать?

Поднявшись по широкой лестнице на второй этаж, мы оказались совершенно в другом пространстве. На секунду даже подумалось, что это два разных дома, настолько разительно ощущалось все вокруг. Словно какой – то великан, играя домиками, перепутал разные модели из своего конструктора.

Просторное помещение второго этажа, наполненное светом десятков крошечных светильников, вмонтированных в потолок и стены – меняло очертания, преломлялось, отражалось и замыкалось в роскошный бильярдный стол на тяжелых ногах.

– Вот это – мой интерьерчик! – восхищенно выдохнула Надежда. – Я так полагаю, что мама сюда еще не добралась? Дела задержали?

– Надюша, ну, что ты? – кашлянул Федор, пытаясь сгладить бестактность супруги. – Давайте выпьем, девчонки! Такая ночь, я так счастлив, что мы дома, видим снег, общаемся со старыми друзьями! У Андрюхи потрясающая коллекция вин и виски! Это надо попробовать!

– Вы нас так подло бросили, – обиженным тоном протянула Надежда.

– Простите, – Андрей суетился у своего бара, доставая стаканы. – Я только хотел посоветоваться с Федором насчет бильярда, вот доставили накануне стол.

– А что тут советоваться? Стол настоящий, бильярдный, красного дерева, цены немалой... – снова вышла на арену Надежда.

– Точнее, очень хотелось сыграть на нем со знатоком, – смутился Андрей.

– Мы пока пройдемся по вашему этажу, не возражаете?

– Пожалуйста, смотрите, только тут все другое. Вы правы, мама не успела поработать со вторым этажом. Случайно познакомилась с владельцем антикварного магазина и вышла за него замуж. Они теперь вместе ездят по аукционам, обставляют собственный дом в своем стиле. Я только рад, а то она заскучала на пенсии; правда, видимся теперь очень редко.

Мы направились в приватный коридор, состоящий из трех дверей.

– Вот это поворот судьбы! – Захихикала Надежда. – Мама вышла замуж – силы небесные! Один шанс на миллион!

В этой части дома была просторная спальня – большая кровать, застеленная серым покрывалом, две прикроватных тумбочки и яркая сочная картина на белой стене, звучащая испанскими напевами с перестуком кастаньет. Зато за маленькой дверцей находилась гардеробная комната с зеркалом в полстены. Вещей здесь практически не было, и от этого комната выглядела, как в рекламном журнале – одни металлические полки.

– Мужчина одинок – в ванной только одна зубная щетка и один халат. Две остальных комнаты совершенно свободны, в одной коробки с книгами. Точно, одна из них должна была принадлежать мамуле. – Сообщила Надежда с видом сыщика.

– Может, он еще не перевез семью?

– А Новый год тогда почему с чужими детьми встречает?

– Девочки, вы там все обследовали или спать легли? – послышался голос Федора.

– Серый волк под горой, не пускает нас домой! – Жалобно продекламировала Надюша.

Возле дверей спальни вальяжно развалился Бандит. Казалось, на нас он не обращает никакого внимания, но своим одиноко стоящим ухом, он чутко вздрагивал на голос.

– Бандит, ты чего? – Андрей удивленно смотрел на пса.

Тот быстро вскочил и, поджав хвост, не глядя на хозяина, потрусил вниз.

– Не понимаю, – пожал плечами Андрей, – он сюда никогда не заходит.

– Может, решил таким образом задержать одну из нас? – Хохотнула Надя.

– Скорее всего, он просто не понимает, зачем нормальные люди пришли в гости в три часа ночи? – подсказала я ответ. А то от Надеждиного замечания хозяин окончательно смутился. – Мне очень понравилась ваша картина в спальне. Столько в ней настроения и света. Даже в Новый год от нее веет испанским теплым вечером.

– Спасибо, это подарок моего друга. Он уже несколько лет живет в Испании. Вот, прислал мне на новоселье свой горячий привет, в гости приглашает.

– Так, все, пьем на прощание и домой. А то там мальчики одни! – Федор решительно поднялся с кожаного дивана.

– У меня, к сожалению, нет сока, но может, Татьяна попробует это вино? Оно очень легкое, почти безалкогольное, просто для настроения, – Андрей протягивал мне красивый бокал на тонкой ножке.

– Не пей, Танек, козочкой станешь! – Предупредил Федор.

И я отдернула руку, чем вызвала удивление хозяина.

– Я открыл его специально для вас.

– Для нас, так для нас, – Надежда взяла из рук его бокал и мужественно выпила до дна.

– А тебе, душа моя, уже хватит, а то ты в бой рвешься, а доспехи дома оставила! – Подхватил жену под руку Федор и бережно повел ее к лестнице.

– Я обязательно попробую это вино, если вы нас еще пригласите, – постаралась я утешить хозяина, который так и остался стоять на месте. – Его же не так пьют, верно?

– Да! Надя скорее всего не почувствовала его тонкий букет!

– Это она меня спасала, – кивнула я и направилась за друзьями.

В поселке стояла тишина. Неярко светились несколько окошек. Новогодние гирлянды вспыхивали неоновым светом на крышах многих домов. Легкий снег неспешно укрывал все пушистым белым пледом.

– В сказке живем а, Надюш? А воздух, какой вкусный – прямо есть хочется!

Надежда остановилась и, обхватив мужа руками, крепко поцеловала его в губы:

– Ты – моя сказка! – произнесла она тихо.

А я шла, улыбалась и радовалась тому, что ничего ужасного не произошло в эту новогоднюю ночь.

Глава вторая

Я не люблю елки на балконах, особенно, когда они остаются там и после праздников. Что же должно было произойти в этой семье, если они так и не внесли в дом главный символ Нового года? Хорошо, что сейчас в нашу жизнь вошли искусственные и их не надо держать на морозе, чтобы они не осыпались раньше времени. Так я могу больше не впадать в панику, при виде этих заиндевелых, одиноких созданий, дожидających своей участи на холодном балконе.

Елка появлялась у нас каждый год в двадцатых числах декабря, почти сразу, как начинались елочные базары. «А то потом и выбирать будет не из чего!» – довольно комментировала бабушка свою покупку. И я никогда не могла дождаться того момента, когда ее торжественно вносили с балкона и гордо ставили на старую табуретку, обернув последнюю белой простыней.

Каждое утро я вглядывалась в разукрашенное инеем окно, проверяя, как провела ночь наша елочка. Прибегая из школы, я первым делом любовалась на ее зеленые ветки, мечтая, как буду вешать на них игрушки, коробка с которыми весь год пылилась на шкафу.

Из года в год мы наряжали елку вместе с бабушкой. И до сих пор не могу понять, кому это действие доставляло больше радости. Лицо моей бабули светилось таким счастьем, когда она вешала очередную игрушку, приговаривая: «Это еще мы с моей мамой покупали; я тогда такой, как ты сейчас была. А вот эту уже с твоей мамой в Гостинке. Господи, время – то, как пробежало!»

От этих слов становилось грустно и мне и бабушке.

Но красавица – елка быстро улучшала настроение, украшая собой пространство.

В тот год елка за окном все не появлялась. И я, уже девушка окончившая школу, и гордо проходившая вахтера Ленфильма с собственным пропуском, решила взять на себя эту ответственную миссию.

Замерзший парнишка на елочном базаре долго помогал мне выбирать мою особенную елку. Мне так хотелось сделать бабушке сюрприз. Порадовать ее так – же, как она всю жизнь радовала меня.

– Девушка, берите высокую – она лучше смотрится. У вас квартира большая?

– У нас комната, но она большая и потолки у нас почти четыре с половиной...

– Тогда о чем думать? – Обрадовался продавец. – Я вам скидку сделаю и веревку собственную подарю.

– А зачем мне веревка?

– Ну а как же вы ее по улице понесете? Смотрите, какая пушистая!

Елка и правда была хороша, как с картинки.

– Ну, давайте! – согласилась я, представив, что эту красавицу не надо будет ставить на табурет.

Парнишка долго сутился вокруг елки. Прикладывал к ней самодельный метр – елка получилась почти два с половиной. Парень повернул в мою сторону замерзшее лицо с красным носом, подмигнул и изрек с видом заговорщика: «Для вас, девушка, только два!» Затем, он достал из деревянной будки моток грязной веревки, понюхал ее, вздохнул и принялся упаковывать мое сокровище.

– Приходите еще, – кивнул парень на прощание.

– Да мне больше не надо, спасибо!

– Так в следующем году еще праздник будет!

– Ну, если в следующем, то обязательно приду, – засмеялась я.

Я попыталась поднять дерево на плечо, как носят обычно новогодние ели по городу, но трюк не получился. Дерево прочно стояло на одной ноге и на плечо не стремилось.

Продавец, казалось, утратил к нам всякий интерес, он с наслаждением курил рядом со входом и старательно делал вид, что не замечает мои потуги. А елка не сдавалась.

«Правильно бабушка делала, когда покупала маленькую елочку», – грустно вздохнула я. Оставив тщетные попытки справиться с елкой, я робко подошла к продавцу.

– Молодой человек, я хочу поменять товар.

– Вы о чем, девушка? Мы таким не занимаемся. Это же мерный товар. – Веселился парень.

– Ты чего, какой мерный товар? Елки давно срублены, ты же ее не отрезал. Видишь же, что мне ее не поднять. Ты мне поменяй эту большую на маленькую. Чего упрямишься?

– Успокойся, шучу я! Давай я тебе помогу, надо знать, как носить, – сжалился продавец. Он придал елке горизонтальное положение и протянул мне. – Видишь, я тебе даже ручку сделал, чтобы нести можно было, а ты, как гренадер – на плечо!

В горизонтальном положении елка легче не была, но ухватив ее за ручку, я смогла везти ее по земле волоком. Благо, до нашего дома было недалеко. Но одно дело бежать по улице с легкой сумочкой, и совсем другое – нести свое спеленатое чудище, которое норовило задеть своим стволом все, что попадалось у нас на пути. Прохожие шарахались с пониманием; собаки пытались нападать, не жалея живота своего; урны стояли стойко, лишь болезненно ухали при столкновении.

Я делала долгие остановки, пытаюсь отвлечь свои мозги: вспоминала любимые стихи; представляла, как преобразится наша комната, когда там появится елка; как обрадуется бабушка, что ее Татьяна стала уже взрослой и самостоятельно может делать такие серьезные покупки. Но последние метры до дома я была полна решимости бросить свою ношу и плюнуть на Новый год.

Я обессиленная села на снег, чувствуя, как дрожат руки, швырнула елку на грязный снег и приготовилась плакать, или тихо умирать на морозе.

«Видно не доросла я еще до серьезных покупок, – лениво думалось мне. – Оставлю ее тут и никому ничего говорить не буду. Пусть никто не узнает про мой позор. Не видела, не покупала, не тащила! Все! Отдышусь еще пару минут и домой бегу, пока не застукали».

От таких мыслей стало веселее.

– Танюха, ты, что тут расселась на снегу? Ой, а елка – то у тебя, какая огромная?

Надо мной стояла Надя и с улыбкой разглядывала меня и елку.

– Помощь нужна? – предложила подруга и легко подхватила мой кошмар за измочаленную ручку.

Я неловко поднялась и потрусилась за Надеждой. До нашего третьего этажа тянули чудовище с песней: «Эх, дубинушка, ухнем!» Распевая старинную песню во весь голос. На скрытый призыв о помощи никто не откликнулся! Соседские двери хранили возмущенное молчание, слегка поблескивая глазками: «Виданное ли дело так вести себя в приличной парадной?»

– Сейчас немного отдышимся и поставим елку в комнату, – прокомментировала Надежда.

– Нет, я пока на балкон хочу поставить. Сюрприз для бабушки сделаю.

– А то, что ты притащила это, – кивнула Надежда на тюк, уже не питавшая таких нежных чувств к елке, – сюрпризом не считается?

– Не совсем. Знаешь, как у нас всегда бывало? Я из школы прибежала и первым делом к балкону, а там елка... Я тоже так хочу ее обрадовать.

– Ну, смотри. Только наряжать, чур, вместе!

– Договорились! Спасибо, Надюшка. А то я уже готова была ее бросить.

– Я это поняла. У тебя был такой обреченный вид!

Елку поставили на маленький балкончик, которым владела наша семья, на зависть всем соседям по – коммуналке.

– А вдруг сегодня твоя бабушка тоже елку купит?

– Не купит, у нее ночные съемки в павильоне. Она очень поздно вернется.

Но бабушка больше не вернулась.

Хоронила я ее одна тридцать первого декабря.

Мама долго рыдала в трубку, все приговаривала: «Ох, как некстати! Как некстати!» и пообещала приехать, как сможет освободиться.

Через полчаса раздался звонок, и мамин взволнованный голос долго убеждал меня, что я со всем справлюсь, что я уже взрослая и самостоятельная женщина, которой давно пора замуж. А они всей семьей собрались в поездку их мечты, в страну Египет, о которой столько мечтали. И Ванечке надо набраться сил, мальчик оканчивает школу, и его ждут серьезные испытания. И они столько денег отдали за эти путевки, у них просто ничего почти не осталось. И что теперь прикажешь делать? Все отменять? И бабушке уже ничем не поможешь. А Ленфильм, которому она отдала всю свою жизнь, просто обязан позаботиться о том, чтобы достойно проводить своего старейшего сотрудника. И если на киностудии не понимают таких очевидных истин, то я должна им это объяснить.

Но на Ленфильме своих старейших сотрудников ценили и любили. Много народу пришло с ней проститься; все подходило ко мне, качали головами, предлагали помощь и очень извинялись, что не смогут поехать на кладбище.

Я так и просидела в ту новогоднюю ночь одна за столом, уже не помню, почему рядом со мной никого не оказалось. С улицы были слышны радостные крики прохожих, раздавались взрывы хлопушек, веселый смех, а мне хотелось оказаться на необитаемом острове, чтобы не слышать звуков этого массового помешательства.

Елка стояла на балконе до марта, пока нашу квартиру не пришли расселять.

Были быстро найдены варианты. Мне полагалась небольшая комнатка, как молодой и одинокой. На тот момент, мне было все равно куда ехать, лишь бы не приходиться каждый день сюда, где меня больше никто не ждал, а на балконе засыхала злополучная елка.

Но тут за меня вступилась Надюшкина мама – Ираида Игнатьевна. Она заявила, что никуда не поедет, если Татьяне, то есть мне, не подберут более подходящий вариант, так как комната у нее, то есть у меня, самая большая по метрам, да еще и с балконом. И это не комната, а украшение всей нашей квартиры. Против таких заявлений и мощной фигуры Ираиды Игнатьевны возражать было нечего. И мне быстро нашли однокомнатную квартиру в одном из ленинградских спальных районов. Но от метро было недалеко, до родной Горьковской шла прямая ветка и уже в мае я стояла на просторной лоджии и наслаждалась видом новостроек.

Как то так случилось, что до этого времени я ни разу не была в новых районах. И школа, и работа, все встречи и дела находились в центре. Но район мне понравился, и все меня в моей новой жизни почти устраивало, кроме отсутствия телефона. На новомодные радиотелефоны зарплаты простого гримера с Ленфильма не хватало. Съежек почти не было, в павильонах гуляли ветры, перебирая старые декорации. Моя Надежда с мамой переехали на другой конец города, и видаться нам было намного труднее, чем в родной коммуналке.

Первое время мы встречались по договору: раз в неделю, в семь вечера, на Гостином дворе. Так продолжалось почти два месяца.

Но в середине июля, ранним воскресным утром, раздался звонок в дверь. На пороге стояли мама с братом и моя жизнь вновь изменилась.

Ваньку я видела три или четыре раза в своей жизни. Росли мы порознь и нежных чувств друг к другу не питали. Братец перерос маму на целую голову, стал широк в плечах и статен, только выражение его лица осталось, как на детских фотографиях – недовольным и угрюмым. Мама с годами почти не менялась: те же выбеленные перекисью волосы, яркая помада, ну, может, талия стала чуть шире.

– Ну, что ж совсем неплохо для одинокого человека, – она придирчиво разглядывала квартиру. – А зачем ты притащила сюда этого монстра? – всплеснула она руками, обнаружив в кухне старинный буфет красного дерева.

– Это любимый бабушкин буфет. Она говорила, что помнит его еще из своего детства.

– Глупость, какая! Кухня небольшая, а тут этот гроб! Больше взять было нечего? Кстати, а та мамина брошь с сапфиром у тебя сохранилась?

– Конечно! Бабушка так ее любила, это же был подарок ее отца и...

– Я возьму ее на память о маме! – Она смахнула невидимую слезу.

Мне не дали договорить, что эту брошку бабушка уже подарила мне.

– Ну, что, Ванечка, нравится жилье? – Ласково обратилась мама к брату.

– Не особо, – скривился братец. – Где тут театры, где музеи? Невы, опять же на горизонте не наблюдается. Ты же говорила, что я в культурной столице жить буду.

– Ой, – весело рассмеялась мама, – как я люблю его шутки! Как я ценю в людях чувство юмора! Учись, Татьяна, у своего младшего брата. Правда, этому не научишь. Хоть он и вырос не в столице, но в нем столько жизненной силы и самоуважения... – на этот раз слеза скатилась настоящая.

– Мама, вы б написали мне о приезде, я билеты в театр взяла бы.

– Пока нам с Ванечкой не до театров. Поступление в институт – вещь серьезная! Отец твой, как всегда в делах и на хозяйстве. На даче такой урожай! Черешню просто в землю закапывали, абрикосы соседям раздавали, сейчас вишней все усыпано. Ванюша так плохо фрукты ест.

– Я колбасу люблю и бананы, – хмыкнул из угла братишка.

Он уже нашел мой профессиональный чемоданчик и с интересом разглядывал его содержимое.

– Ваня, не надо это трогать, это бабушкин рабочий!

– Что и посмотреть нельзя? – на меня взглянули наглые серые глаза.

– Ты попроси, я тебе сама все покажу.

– А мама сказала, что это и моя квартира тоже! А раз моя, то, что хочу, то и беру. – И Иван грубо встряхнул кофр, заставив звякнуть многочисленные баночки, пузырьки и бутылочки.

– Иван!

– Ничего с твоими сокровищами не случится, Татьяна. А с братиком так разговаривать не следует. Он – мужчина, а мужчина требует уважения.

– А в какой институт будет поступать этот мужчина? – Я постаралась закрыть тему.

– У Ванечки способности к точным наукам! Такие суммы в уме считает!

– Цифры в уме? – уточнила я.

– Ну, и цифры тоже, – махнула мама. – Ему еще маленькому можно было доверить любые покупки сделать. Сдачу всю до копеечки считал. Ни один продавец его, кроху, обсчитать не мог. Принесет, все покажет, а монетки к себе в копилочку сложит. Мы с папой еще тогда думали, что Ванечке с деньгами надо работать. Но тогда профессия бухгалтера не особо престижной была. А сейчас все так изменилось. Экономист – звучит красиво.

– Значит, вы в экономический собираетесь? Но туда конкурс очень большой?

Я постаралась не вспоминать, как этот юный гений экономики чуть не оставил меня без средств, вытащив из моего кошелька несколько купюр, подаренные бабушкой на окончание восьмого класса.

Кражу дарование оправдало несправедливостью, что у сестры денег больше, чем у родного брата. И он собирался забрать только половину. Родители предприимчивость оценили и премировали брата вдвое крупной суммой, чем он надеялся выручить из моего кошелька.

– А я пойду на платное отделение за плату, да, мама? – Наивно встрял братец.

– Ваня, сколько раз тебе повторять: не открывай душу перед посторонними людьми! Господи, ну, какой же ты у меня еще наивный! И как тебя в люди выпускать? Сожрут с потрохами! Все – таки удачно у тебя с обменом вышло. – перевела взгляд на меня мама. – Как ни крути, но отдельная квартирка, это вам не коммуналка. Ванечка даже не представляет, что это такое. Тесновато для двоих взрослых, конечно. Но главное сейчас поступить, а там я что – нибудь придумаю. Ты еще не знаешь моих способностей.

Способности действительно у мамы оказались выдающиеся. Иван был устроен на первый курс престижного Финбана. Экзамены брат сдавал на тройки. Экзаменатор пообещал, что Ване поставят пятерки, если он будет знать на четыре, и четверки, если знания будут на тройки...

До первого октября мама старательно водила Ваньку по музеям и театрам, прививала ему культуру, знакомила с городом. Питер все больше нравился брату, он входил во вкус жизни большого города, студенчества.

– Ну, дети, мне надо навестить папу. А то он уже устал заниматься хозяйством. – Порядок я вам навела, живите дружно. Помните, что вы родственники.

Теперь моей территорией стала небольшая кухня. Мама продала старый буфет. Он, кстати, оказался настолько ценным, что вырученными деньгами оплатили годовое обучение брата, купили мне небольшой диванчик на кухню и еще осталось немного денег. Мама пообещала добавить к этой сумме и купить Ване автомобиль. Но это только по окончании первого курса.

– Надо же, какая ценность оказалась? – недоумевала мама. – А куда ты остальные бабушкины вещи дела? Там еще несколько старины сохранилось.

– Бабушка многое продала. Что – то отдала на Ленфильм. У нас почти ничего не осталось от той мебели. Вот зеркало еще, только в нем уже ничего не отражается.

– Но рама, кажется, ценная, – мама внимательно осматривала красивую деревянную оправу.

– А деньги от проданных вещей вы куда девали? – поинтересовался братик.

– Жили на них. Книги покупали. Бабушка очень любила книги, вон у нас их сколько. – Пожала я плечами.

– Мам, а давай сейчас машину купим, а то весной цены выше всегда, – перевел разговор Ваня. Книги его мало интересовали.

– Нет, Иван. Мы еще посмотрим, как ты будешь учиться. И курсы надо окончить, права получить.

– Да я вожу лучше любого таксиста, мне папа руль с десяти лет давал. Ну, мама, ты же знаешь, сама со мной ездила. Пусть мне дядя Володя права подарит на поступление. Он же мой крестный, обязан подарок сделать! Мам, пообещай, что поговоришь с ним! Мама, ну, пообещай! – Топнул ногой брат.

– Ой, Ванька, ты из меня веревки вьешь! Знаешь, что отказать тебе не могу!

– Вот и не отказывай, – успокоился Иван.

Я с некоторым волнением ждала отъезда мамы. Мне не хотелось оставаться одной в квартире с братом. Я даже себе боялась признаться, что боюсь его. Мне неприятен был мой собственный брат и ничего с этим поделать я не могла.

* * *

Я старалась, честно старалась, полюбить своего родного брата. Я каждый раз повторяла себе с утра, что я теперь не одна, со мной живет родной человек, о котором я должна заботиться. И я, как старшая сестра обязана дать ему любовь, тепло и заботу.

Мне верилось, что чувство любви, которое мы даем людям, обязательно находит отклик в их сердцах, возвращаясь к нам.

Я готовила Ване завтраки, провожала его до института первые недели. Он все никак не мог освоиться в метро и очень по этому поводу злился, скрывая свою растерянность. Мы даже сходили с ним пару раз в кино. Мне думалось, что после фильма мы начнем обсуждение, как всегда делали это с бабушкой. Хотелось узнать, что может волновать моего братика, что тревожить. Но Ваня только попросил сводить его в Макдональдс и заесть киношный бред гамбургером.

От похода в театр он категорически отказался. «Кино я еще высидеть могу, только в следующий раз бери билеты на комедию. Но тягомотину в театре смотреть не буду! Хватит! У нас в школе обязателька была в театры ходить, а после сочинения писать! Ненавидел это! Я всегда после первого акта убежал! Покажусь вначале классной, она всех отметит, а потом убегаю».

– И как же ты после сочинения писал, если пьесу до конца не смотрел? – удивилась я.

– А мне Хомяк сочинения писал, – скривился брат.

– Кто это хомяк? Это кличка или фамилия?

– Не, фамилия у него Орлов, но семья у них бедная была, он все время жрать хотел. Придет к нам в гости, я специально перед ним вазочку с печеньем поставлю, но предлагать не тороплюсь. Так он схватит одно печенье и в рот, за щеку. Умора! Я его за это хомяком и прозвал. А за сочинения я ему платил.

– Платил? Чем?

– Деньгами разумеется! Да он многим за деньги уроки делал. Потом его, правда, исключили из школы, но это уже в десятом, кто – то сдал.

– И как он теперь? – У меня сильно забилося сердце, что – то подсказывало, что мой брат не остался в стороне этой истории.

– Да я откуда знаю, нужен он больно! – Взорвался братец. – Ему, как лучше хотели, у него вон сестры маленькие, отец погиб, мать одна работает, можно сказать на еду не хватает, а он в позу встал: «Иван, ты обязан сам учиться, тебе поступать в этом году!» Ну и пошел...

– Ясно.

– Что это тебе ясно? Никто не имеет права учить меня! Поняла? Никто! А кто посмеет, поплатится, – брат приблизил к моему лицу свои колючие глазки.

И мне на секундочку стало страшно, что было бы со мной, не забери меня бабушка в мой серый, дождливый и горячо любимый город?

* * *

В двадцатых числах декабря я купила у метро елку, на этот раз небольшую. Правда, в автобус с ней лезть было бесполезно, и я мужественно пошла пешком две остановки до дома. Надо было купить ее вместе с Ваней, может, нашла бы в душе его добрые нотки. Когда будем ее наряжать, то я обязательно расскажу ему, как мы делали это в старой коммунальной квартире, как справляли там Новый год.

Брата дома не было, и я быстренько спрятала елку на лоджию. Но прошел вечер, наступила ночь, а Ванька домой не приходил. Я металась по квартире, не представляя, что могло случиться. Несколько раз выходила на улицу, вглядываясь в пустынную темноту.

Не пришел Ванька и на утро. Совершенно разбитая, я вышла утром из дома, не представляя, где искать брата. Друзей его я не знала, он никогда о них не заговаривал, девушки у него еще тоже не было. В девять утра я стояла столбом возле входа в его институт, вглядываясь в чужие лица. Меня душило отчаяние, слезы катились по щекам, но я их почти не замечала.

– Девушка, что у вас случилось, вам помочь?

На меня смотрела милая старушка в изящной шляпке. Я даже сразу не поняла, о чем она меня спрашивает.

– У меня братик пропал, – шмыгнула я носом. – Ушел вчера в институт и ночью не вернулся. Мы с ним одни живем, родители в другом городе, – затараторила я, испугавшись, что старушка сейчас исчезнет, и я вновь останусь наедине со своим горем.

– Ну, милая, не стоит так уж убиваться, сейчас узнаем про вашего братика. Какой курс? – спросила она у меня уже на ходу.

– Первый. Он на первом курсе, коммерческое отделение, – я засеменила за моей спасительницей, подстраиваясь к ее шагам.

Старушке по пути все уважительно кланялись, безмолвно перед ней расступаясь.

– А вы, дорогая, где учитесь, в каком вузе?

– Да я в институте не училась, меня бабушка своему ремеслу обучила, я по ее стопам пошла. Это сейчас курсы появились разные, а во времена моей бабушки они друг у друга опыт перенимали.

– А чем, если не секрет, ваша бабушка занимается?

– Она гримером была на Ленфильме, только ее уже нет.

– Печально, – участливо вздохнула старушка, – ну, вот мы и пришли, заходите, милая!

Мы подошли к тяжелой двери, на которой весела табличка «Ректор».

– Ой, простите, вы – ректор?

– Я секретарь ректора. Уже сорок пять лет! И от моих глаз тоже мало что может утаиться в этом институте. Сейчас узнаем про вашего братца.

Она кому-то позвонила и попросила принести личное дело Ивана Глазкова. Я не поняла, что ответили на другом конце провода, но только моя добрая фея нахмурилась, бросила быстрый взгляд в мою сторону и молча, положила трубку.

– Что, что с Ваней? – почти крикнула я.

– Ваня ваш жив и здоров! В данный момент находится в отделении милиции, куда вчера днем доставлен за сбыт наркотических веществ.

– Этого не может быть! Ваня не... Наверное, это по ошибке, он был рядом. Я сейчас же еду туда. Где это отделение?

– Ну, может, конечно, и ошибка, только не думаю. Институт ваш братик почти не посещает. Одни пропуски. На коммерческом отделении требования, конечно, не такие жесткие, но надо и совесть иметь. Думаю, институт не сможет дать ему хорошую характеристику. И к сессии его вряд ли допустят. В старые времена, я бы посоветовала отправить вашего Ваню в армию. Там из таких делали отличных мужчин, но в нашей теперешней стране... Боюсь, вам, милая, не под силу воспитывать такого обол... простите, чуть не сорвалось. Вызывайте родителей, а лучше отца.

– Спасибо, я так и сделаю.

Мама прилетела вечером, забрала Ваньку из милиции и стала отчитывать, но не его, как мне казалось логичным, а меня.

– Как же тебя воспитали? Что же ты за чудовище такое выросла? Вы же одна кровь! Как ты могла так обирать родного брата? Мы же столько денег вам присылали, я себе буквально во всем отказывала, только чтобы у вас все было! А ты брату только на метро выдавала. Это ты толкнула его на преступление, тебя надо наказывать. Если дойдет дело до суда, я так на нем и заявлю. Ты хоть понимаешь, что Ваню из – за тебя из института могут исключить? Зачем ты туда заявлялась? В деканате я еще могла все уладить, а ты до самого ректора дошла, дрянь!

– О каких деньгах ты вообще говоришь, мама? Да, их хронически не хватало. У нас сейчас на Ленфильме почти нет съемок. Я даже несколько книг продала. Но никакие переводы к нам не приходили. Можешь у Ивана спросить, если ты ему больше веришь.

Я мельком взглянула на брата и заметила его бегающие глазки.

– Ваня, может, ты хочешь что – то сказать?

– Прекрати врать, слушать тебя противно, – взорвалась мама. – Ванечка был вынужден скитаться по холодным улицам, пока ты здесь мужиков принимала. Срам, какой! При младшем брате! Правильно мне говорили – забирать тебя надо было от бабушки, и воспитывать самой. Ничего хорошего из тебя не получилось. Во всем виновата столичная жизнь и моя мамочка, конечно, тоже постаралась. Видно, совсем тобой не занималась!

– Не смей отзываться так о бабушке! – меня трясло. – Она столько доброты в меня вложила, а вот ты вырастила из своего сыночка настоящего морального уроды! Ты сходи в институт, проверь, он его почти не посещал.

– В тебе говорит ревность, – устало вздохнула мама. – Мы абсолютно чужие люди. Значит так, я уже узнавала, можно купить комнату в коммуналке за небольшие деньги. Оставлять вас вдвоем слишком опасно для Ванечки.

Я немного выдохнула, но оказалось зря.

– Ваня к коммуналкам абсолютно не приспособлен, а тебе не привыкать. Завтра напишешь дарственную на брата на эту квартиру, оформим все документы, и постарайся с нами больше не пересекаться.

– А куда я должна переехать?

– Поищи себе жилье, только не долго. Сейчас я Ванечку увезу, ему нужно успокоиться. Такой стресс пережил ребенок! В конце января мы вернемся, и постарайся, чтобы тебя до этого времени уже здесь не было.

– Но у меня нет денег на покупку комнаты, – меня вся эта ситуация вдруг перестала волновать. Я отстраненно смотрела на свою маму и на абсолютно чужого мне неприятного парня.

– На многое не надейся, у меня есть небольшая сумма.

– Мам, а это не та, которая на мою машину? – заволновался Иван.

* * *

– Девушка, сейчас недвижимостью никто не занимается, – удивленно встретили меня в риэлтерской конторе. – Новый год же, – уточнила молоденькая секретарь. – Даже те, кто хочет что – то продать к праздникам готовятся.

– Мне надо быстро найти комнату! – Я чувствовала, что стучусь в глухую стену, и совсем уж было собралась уходить, но тут широко распахнулась дверь и на пороге, в клубах сигаретного дыма, возникла сухонькая старушка. Видавшая лучшие времена узорчатая шаль, как саваном покрывавшая узенькие плечики, тяжелая оправа очков – подчеркивали хрупкость и незащищенность своей хозяйки.

– Анжела, ты, что же это клиентов отпугиваешь? – обратилась она к девушке, выпустив в ее сторону белое облако.

– Аделина Генриховна, я не отпугиваю, я объясняю, что сейчас на рынке затишье! – замотала конским хвостиком секретарь.

– Но, может, кому – то тоже срочно надо продать комнату и уехать в другой город, к счастливой жизни! А мне надо купить, чтобы не видеть больше... – я осеклась. – Могут же быть такие счастливые совпадения? Бывают же! – В глазах, отчего – то защипало.

– Ох, а вот это уже интересно! Пройдемте в мой кабинет, – взмахнула шалью старушка. Я постаралась взять себя в руки, сделав три глубоких вдоха.

«Никогда не показывай своей слабости на людях! Люди любят сильных, тех, что на коне! А кто с коня упал, тех топчут!» – как то сказала мне бабушка.

– Проходи, детка, сейчас посмотрим, чем тебе помочь! – Аделина Генриховна быстро включила старенький компьютер и застучала по клавиатуре удивительно длинными красивыми пальцами с аккуратным маникюром. – Что бы ты хотела купить?

– Мне нужна комната, – обрадовалась я участию. – Любая, маленькая и недорогая. Денег у меня немного, но комната нужна срочно. Лучше, если я перееду в нее до Нового года.

– До Нового года осталось пять дней, – напомнила старушка.

– Я понимаю, это нереально. – В голове возникла безрадостная картина: я одинокая сижу в почти чужой квартире, а на улице раздаются веселые крики и звуки хлопушек.

– Ничего нереального нет! Можно сделать продажу под гарантию нашего агентства.

– Это как?

– Ты можешь заселиться уже завтра, передав предварительно всю сумму, а оформление сделаем в обычном порядке.

– А так можно? – Недоверчиво спросила я. – Я не останусь и без денег и без комнаты?

Аделина Генриховна перестала стучать по клавишам и откинулась на спинку потертого кресла, внимательно глядя на меня поверх массивных очков.

– Я обижаю вас своим недоверием? – устыдилась я.

– Не переживай, девочка, взгляни, у меня есть для тебя целых два варианта. Один на Гражданке. Дом панельный, но новой застройки. Метро рядом. Комната большая почти пятнадцать метров. Двое соседей. Вторая – на Петроградке, рядом метро «Горьковская». Комната вытянутая, но в ней два окна, правда, во двор, хотя сама квартира интересная. И мы бы давно ее расселили, но живет в ней одна упрямая бабулька. «Умру, – говорит, – в своей квартире». Соседи там почти не живут. Говорят, на бабульку смотреть не могут, боятся за ее жизнь и свою свободу. Всегда мы, старики, мешаем жить молодежи, – тяжело вздохнула Аделина Генриховна.

– А эта, на Петроградке, дорогая? Все – таки район...

– В твою сумму укладываемся, – успокоила риэлтор. – Там квартиросъемщиков целых восемь, а это для расселения морока, плюс проблемный жилец.

– И я могу завтра туда переехать?

– Да, у меня есть доверенность от этих жильцов.

– Тогда мне срочно надо к нотариусу, сделать дарственную на брата и получить деньги. Я постараюсь сегодня к вам вернуться, – заспешила я.

– Понятно, – Аделина Генриховна слегка сжала свои тонкие губы и вновь потянулась за сигаретой. – А ты даже не хочешь взглянуть на свою будущую жилплощадь?

– Мне кажется, что она мне должна понравиться. Я вам верю.

«Как интересно, мне в последнее время такие милые старушки попадаются! И все принимают участие, помогают...»

* * *

– Ты думаешь, мы с папой миллионеры? – Удивленно вскинула красивые брови мама, когда я рассказала ей про комнату.

– Но, ты же сказала, что дашь мне денег и чтобы я скорее отсюда уехала. Если я сегодня передам нужную сумму в контору, то завтра уже смогу переехать.

– Так дела не делаются. Это тебе не книжку купить, это жилье, моя дорогая.

– Ну, что же тогда мне делать? Остаться в этой квартире?

Мама нахмурилась, слегка постукивая по столу ладошкой. Ивана слышно не было, он не вышел мне навстречу.

– И сколько метров комната?

– Почти пятнадцать! Два окна, но во двор и восемь соседей.

– И куда тебе пятнадцать метров? – Наконец удивилась моя мама. – Я так понимаю, что меньшая комната и стоить будет меньше?

– Сейчас есть только эта. Но, очевидно, можно поискать еще. Только сейчас люди к Новому году готовятся, поэтому агентства недвижимости отдыхают. Хорошо, я поищу еще, к весне будет больше предложений.

– Мам, к весне и цены возрастут. Надо брать в затишье, – вышел из комнаты братец.

– Ванечка, ты бы не брал это в душу. Мы сами разберемся! Хорошо, – повернулась ко мне мама, – завтра поедем, посмотрим твою комнату, и может быть, я дам тебе эти сумасшедшие деньги.

– Не, мам, пусть сначала дарственную напишет! А то ты ей дашь деньги, а она взамен нам: «Большое спасибо, и пока, родственники!»

Я ожидала, что мама защитит меня от таких несправедливых нападков, одернет Ивана, но она продолжала что – то обдумывать и казалось, ничего не замечала вокруг.

* * *

Утром возле строгого серого дома на Петроградской стороне нас ожидала Аделина Генриховна. Братец, выразив удивительную заинтересованность, пошел с нами.

– Вот это уже похоже на Питер! Да, мам? – изрек мой родственник при виде дома, не удосужившись поздороваться. – И тебе Нева близко...

Поднявшись на третий этаж по широкой лестнице, Аделина долго возилась с тремя замками. Наконец, тяжелые ворота отворились, и на нас повеяло духом питерских коммуналок. Странно, но этот неистребимый запах был одинаков во всех парадных. Но мне он нравился, был родным!

Из темноты, вальяжно потягиваясь, вышли два огромных кота.

– Брысь! – Тут же вскрикнула мама.

Коты присели и с удивлением стали разглядывать нашу компанию.

– Проходите, пожалуйста! Комната находится в конце коридора. – Аделина Генриховна уверенно шла вперед, не обращая внимания на кошек.

Одна из дверей темного коридора резко распахнулась и на пороге застыла неприятного вида старуха. Седые спутанные волосы опускались ей на плечи, тусклые глаза на широком лице смотрели неприязненно, поджатые губы выражали недовольство.

– Здравствуйте, – присела я.

– Опять привела? – Не отвечая на мое приветствие, обратилась к Аделине тетка.

– Успокойтесь, Виктория Осиповна, эти люди пришли посмотреть всего лишь комнату. Никто на эту несчастную квартиру больше не претендует! И вашему спокойствию больше ничто не угрожает!

– Это что за чучело? – Удивился Ванька.

– Это соседка, – пояснила я.

Комната была угловая, вытянутая и очень темная, как мне показалось тогда. Тусклые обои на стенах, пыльные окна, одинокая лампочка, нелепый продавленный диван, перегородивший комнату на две половины.

– Это че? Здесь можно жить? – Похоже, Ванька действительно не имел ни малейшего представления о питерских коммуналках.

– И за это вы хотите такие деньги? – Воскликнула мама.

– Это реальная цена, – пожалала плечами Аделина, – даже заниженная, если исходить из района и метража. Места общего пользования смотреть будем?

– Это, какие? – Не выходил из ступора братец.

– Кухня, туалет...

Хлопнула дверь и к нам, сурово надвигаясь, приближалась Виктория Осиповна в сопровождении своих хвостатых стражников.

– Смотрите без нас. Мы тут жить не собираемся, – испуганно воскликнула мама и, схватив Ваньку за руку, выбежала на лестницу.

– А кто же тогда собирается жить в моей квартире?

– По – видимому, я. Но меня коммуналкой не испугаешь, я выросла в такой же. Да и работа моя, можно сказать, через дорогу от дома.

– И кем же ты работаешь через дорогу? – Уже заинтересовано глянула на меня соседка.

– Гримером.

Вот так я снова очутилась к коммунальной квартире. Но странно, я абсолютно не чувствовала сожаления. То ли я не успела еще привыкнуть к отдельному жилищу, то ли действительно, была коммунальным ребенком, выросшем в центре города. Переезд мой не занял много времени. Одной машины хватило, чтобы перевезти коробки с книгами, два чемодана с моими вещами и старинное бюро. Остальные вещи брат пожелал оставить у себя. Он долго приглядывался к бабушкиному бюро, но потом решил, что ценности оно не представляет. Бюро было на его взгляд слишком простеньким.

Когда я с грузчиками уже была внизу, мама крикнула с балкона, чтобы я поднялась к ним наверх.

– Татьяна, ты должна оставить ключи от этой квартиры! Мы уезжаем, и кто знает, что взбредет тебе в голову? – Строгим голосом произнесла моя мама.

Я принялась судорожно рыться в сумке. Руки дрожали, на глаза наворачивались слезы. Не знаю, чего я ожидала, взлетев на свой шестой этаж? Ключи нашлись, я положила их на край кухонного стола и тут я сделала то, что никогда бы не посмела сделать себе еще минуту назад.

Я подошла к своей маме и одним движением отколола с ее жакета бабушкину брошь.

– Это. Ее. Подарок. Мне! – Ровным голосом проговорила я, глядя в синие глаза. – Бабушка просила, чтобы я приколола ее на свое свадебное платье!

Развернувшись, я вышла, оставив за дверью тишину, маму, брата и елку на балконе.

* * *

– И, что, ты, действительно, собираешься жить в этой квартире? – дверь моей комнаты неслышно отворилась и на пороге возникла Виктория Осиповна со своим неизменным кошачьим эскортом.

На этот раз старушка приоделась. На ней было довольно элегантное платье с белым кружевным воротником, сколотым старинной Камеей. Волосы она подколола наверх и закрепила тяжелым черепаховым гребнем. Я даже не сразу узнала ее.

– Вас не устраивает мое общество? – устало спросила я. – Но больше идти мне некуда, так уж вышло.

– А что за люди приходили с тобой на просмотр?

– Мама с братом.

– Понимаю. У мамы второй брак, брат этот тебе сводный и ты никак не вписывалась в их новую семью.

– Почему? Брат родной и никакого второго брака не было. Просто мы росли с ним в разных городах. Я болела и бабушка забрала меня к себе в Ленинград. А позже родился Ванька. Меня родители хотели забрать к себе, но я так привыкла жить с бабушкой, что сама к ним не поехала.

– Необычные отношения для родных людей, – Виктория Осиповна недовольно скривилась. – А я все думала, что за странная компания ко мне приходила. Но когда про второй брак придумала – все на место встало, а ты опять ввела меня в переживания. Каждый раз, когда я сталкиваюсь с таким вопиющим безобразием, радуюсь, что у меня нет родственников.

– И вы совсем одна на свете?

Просквозившая в моем вопросе жалость не понравилась соседке.

– И что ты очень счастлива, имея такую родню? У меня есть три подруги; поверь, для того, чтобы не чувствовать себя одинокой – этого более, чем достаточно. А потом, кто любит книги – никогда не будет одинок. А я обожаю читать! Но я пришла не для того, чтобы жалеть тебя. Приглашаю отметить твоё новоселье и наше соседство. Думаю, мы можем подружиться. Пожилые люди не так бесполезны, как думает подавляющее большинство молодежи.

– Я так не думаю!

– Поэтому я тебя и зову к себе в гости, – кивнула Виктория и величественным жестом пригласила меня за собой. Коты, подняв свои павлиньи хвосты, мягко ступая, последовали за хозяйкой.

– А может, к нам хочет кто –нибудь присоединиться? – спросила Виктория, когда мы с ней выпили сладкой вишневой наливки. – У тебя есть друг, или друзья?

– Да, у меня есть подруга, мы с ней вместе выросли, но сейчас она куда – то пропала. Телефонов у нас нет, встречались на Гостинке, после того, как нашу квартиру расселили. Но уже несколько месяцев, как я не могу ее найти. Дома никого не застать, я несколько раз к ним приезжала. Знаю, что она поступила в медицинский... А теперь и она меня потеряет. По старому адресу я уже не проживаю.

– Да о чем ты грустишь? Вы в одном городе живете. Сходи в институт, найди ее по фамилии, узнай в какой она группе. Оставь брату свой адрес, мало ли она тебе напишет.

– И почему в мою глупую голову не пришли такие простые мысли? – обрадовалась я. – Спасибо вам огромное, Виктория Осиповна!

– Пользуйся моей мудростью, – довольно откинулась на спинку старинного стула моя соседка.

Надо сказать, что комната ее больше походила на музейный зал. На стенах множество картин и фотографий, антикварная мебель, фарфор, старинные безделушки. В углу лампа с расшитым бисером абажуром. Шелковая ткань почти истлела, и крошечные бусинки местами осыпались, но в полумраке это было незаметно.

Поймав мой взгляд, хозяйка грустно произнесла:

– Умирает мой светоч. Реставрации не подлежит – таких мастеров не осталось. Я ее даже не включаю уже – трогать боюсь. Под этой лампой мне еще мама сказки Шарля Перо читала. И эта лампа всю свою жизнь прожила в этой комнате. А в твоей, точнее, в той половине, что теперь твоя – была моя спальня. Это была большая квартира и жила в ней только одна семья – наша.

Мне стало безумно жаль эту семью. В голове сразу пронеслись яркие картины из жизни счастливой буржуазии. Маленькая девочка, сидящая на коленях у прекрасной женщины. Статный красавец с черными, подкрученными кверху усами. Добрые нянюшки, строгие гувернантки. А потом явились Швондеры, как у Булгакова, и жизнь стала черно-белой. И не было больше счастья.

– Всех расстреляли? – спросила я шепотом, глотая горькие слезы сочувствия.

– Бог с тобой! – махнула руками Виктория. – С чего ты это взяла, милая?

– В революцию же всех расстреливали, кто не успел уйти за границу, – я сморгнула пару слез.

– Глупенькая, насмотрелась кино на своем Ленфильме. Как тебе моя наливка? Между прочим, наш семейный рецепт. Главное, чтобы вишни были настоящими, южными. Еще хочешь?

– Хочу, вкусно! Только у меня голова немного кружится. Бабушка говорила, это у нас по наследственной линии. Она тоже алкоголь не переносила. Мы с ней и не пили никогда. А как случилось, что вы одна единешенька остались? – Меня переполняла жалость к этой прекрасной женщине.

Она налила еще по рюмочке вишневого нектара из красивого хрустального графинчика. Крышкой графина служила голова серебряного ангела. Меня это жутко умилило.

– Сначала их, как тогда говорили, уплотнили. Папа был инженером. Тогда это была уважаемая специальность. За ним даже машина приезжала. Так что никто нас не расстреливал и в лагерь не отправлял. Когда война началась, он на фронт ушел и вскоре мы похоронку получили. Мама была твердо уверена, что это ошибка.

«Раз твой отец сказал, что вернется – значит, вернется. Он никогда меня не обманывал». Тогда так многие говорили.

Мы с ней даже в блокаду в городе остались. Мне тогда уже двенадцать лет было. Я в тридцатом родилась. А ты решила, что мне лет сто? – лукаво улыбнулась Виктория.

– Если честно, я не подсчитывала. – Как я ни старалась владеть речью, но давалось мне это с большим трудом.

Вскоре, голос моей соседки стал похож на трубный глас. Он гудел со всех сторон, отскакивал от стен, увешанных картинами и старинными фотографиями, проникал в мою несчастную голову и набатом бил по вискам. Я со всей силы сжала ладонями уши, но гул не утихал. А тут и комната стала кружиться со страшной силой, превращая в вихрь и закручивая в своей круговерти и Викторию и притихших на диване котов и всю антикварную мебель вместе с дивным графинчиком. Усидеть на жестком стуле в такой ураган было выше моих сил, я сползла на пол, надеясь найти там опору.

– Господи, девочка, ты как? Первый раз сталкиваюсь с такой реакцией. Наливка – то совсем слабенькая, градусов двадцать. Надо ж как тебя...

Виктория Осиповна сидела на полу, положив мою гудящую голову себе на колени. На лоб было положено прохладное полотенце, под языком что – то шершаво мешало. Я попыталась выплюнуть инородный предмет, но Виктория поспешила прикрыть мне рот ладонью.

– Тише, не выплевывай, это валидол! Пусть себе лежит! Ты уже и так много наговорила. И про бабушку свою светлую, и про обиду на маму, и про Гитлера со всеми фашистами.

Я сделала удивленные глаза. Когда это я успела? Кажется, я только тихо – мирно сползла на пол, ища покоя и прохлады.

– Знаешь, – заколыхалась старушка, – я даже на минуточку тебя испугалась. – По комнате кружишься, говоришь без умолку, руками машешь, словно все тут хочешь порушить. Коты спины выгнули, шипят, сами струсили. Жуть! Думаю: санитаров вызывать – увезут на Пряжку и пропала девка. А может, это у тебя обострение и ты со справкой ходишь, оттого и отселила тебя семья. Но тут ты стала про свою жизнь рассказывать, и я вспомнила про вашу наследственность и успокоилась. Да, девушка, пить вам категорически не рекомендуется. Хорошо при мне такая реакция случилась, а как в компании или на романтическом свидании.

– Простите, – прошамкала я, пытаюсь сбросить со своих ног тяжелый пушистый плед. Тот шевельнулся и больно воткнул острые когти в мои колени.

– Это что? – грозно выкрикнула Виктория.

Коты быстро вскочили и тяжелыми прыжками покинули место своего пребывания.

– Они славные, ты на них, Танечка, не обижайся. Любят обходительное обращение, зовут их: Григ и Шопен. И никаких уменьшительных имен. Не подойдут! Они родные братья из очень благородного семейства. Будут сидеть голодными рядом с полной миской фарша и не притронутся. Само достоинство! – гордо закончила соседка.

– Странные имена...

– Не кошачьи, согласна. Но мне приятно каждый день вспоминать хотя – бы, таким образом, моих любимых композиторов. Ну, что, тебе лучше? Дойдешь сама до комнаты или проводить? У меня что – то ноги затекли.

Мы с ней вдвоем, помогая друг другу, кое – как поднялись с прохладного пола. Меня еще кружило и подташнивало, но я побрела по длинному коридору в свою новую комнату.

* * *

После Новогодних праздников, уже в начале февраля, я набралась мужества и решила съездить к Ивану. Видеть мне его не очень хотелось, но я решила оставить ему мой новый адрес, на случай если Надя вдруг решит меня найти.

Все мои попытки связаться с ней провалились. Я оставляла ей письма в почтовом ящике и даже пыталась разыскать студентку Надежду Умнову в деканате медицинского института. Там мне было сказано, что она забрала документы в начале третьего курса и в институте больше не числится.

Это было странно и совершенно нереально. Надежда так мечтала стать врачом еще с раннего детства. И все об этом знали. И никто не удивился, что она выдержала совершенно сумасшедший конкурс на вступительных экзаменах, все за нее радовались. Что же могло случиться?

Дверь квартиры мне открыла незнакомая женщина в широком цветастом халате. Из квартиры доносились вкусные запахи, напомнив мне, что я еще не ела.

– Тебе что? – улыбнулась тетка.

– Ой, а я к Ивану, – растерялась я. – Я его сестра.

– Так нету его, в Волгоград уехал!

– И до сих пор не вернулся? У него же сессия и институт...

– Какой институт? Квартиру эту мы купили. Повезло нам, считай. Нам срочно надо было купить, а он продавал. У нас дочка родила внучек, нянчить то надо. Ей одной тяжело, она у нас не приспособлена к трудностям, хотя девка умная, институт закончила. Да ты проходи, что в дверях стоять. Я вот сейчас обед доварю и к ней пойду, они тут рядом живут. Мы и квартиру, поэтому здесь купили. Я вон борщ сварила, пирожков напекла. Она их любит. А хочешь, я тебя обедом накормлю? Ты ж, наверное, к брату в гости ехала – думала, тебя угостят, чем?

– Если честно, я голодная, но неудобно, как – то, – нерешительно входила я в квартиру.

– Это у вас тут в Питере неудобно все, а у нас в Краснодаре все друг друга знают, все тебя накормят. Как звать тебя?

– Таня.

– Да ты шо? И моя дочка Татьяна! Во мир тесен! – Обрадовалась неизвестно чему тетка.

– Так вы не из Волгограда сюда переехали? – Я села перед тарелкой с красным наваристым борщом.

– Из какого Волгограда? Говорю же, из Краснодара мы. Ты ешь, пока дымится, и пирожком закусывай.

– Странно, что они мне ничего не сказали, что квартиру продавать надумали. И зачем тогда было меня в комнату переселять?

– Брат то двоюродный?

– Родной. А ничего мне не оставляли?

– Ничего не оставляли, – посуровела женщина.

– А можно, я вам свой адрес оставлю, на случай, если меня искать будут. Я подругу потеряла, и мама адреса не знает. Вы возьмите листочек.

– Это – пожалуйста, оставляй. Кто будет спрашивать – передам, мне не жалко!

– Спасибо вам, борщ у вас вкусный!

– А то! У вас такие не варят! Я как попробовала, как сватья готовит, – тетка приложила руку к пышной груди, – мои б собаки есть такое не стали. А зять ест и нахваливает! Умора одна! Но уж внучек своих я правильный борщ варить научу!

– А сколько же у вас внучек?

– Так я ж и говорю: дочка моя, Татьяна, тройню родила – трех девок! Ну, как тут не помочь? Зиму уж отбуду, а на лето их к себе заберу, на наше солнышко. А то они такие крошечки и синенькие все, как цыплятки ощипанные.

– Вот это да! Три девочки! – Порадовалась я. – Ну, пойду я, спасибо вам, еще раз.

* * *

Как – то так получилось, но моей единственной подругой стала Виктория Осиповна. Я бежала к ней после работы. Рассказывала, кого из знаменитостей встретила сегодня в павильонах, кого гримировала. Она страшно любила такие новости, предпочитая истории про любимых ей артистов. Новые имена ей были не интересны.

К моему приходу она заваривала чай, накрывала в своей комнате стол и мы начинали наши удивительные, теплые вечера.

Иногда Виктория устраивала приемы – приглашала в гости трех своих подруг. Дамы приходили нарядные, слегка возбужденные от них пахло хорошими духами. Они радостно переговаривались, обменивались милыми пустячками. Обсуждали своих детей и внуков. Поначалу, они встретили меня настороженно. Я ловила на себе оценивающие взгляды.

– Викуля, что это за провинциалку к тебе подселили? – Статная Анна Львовна даже не старалась скрыть свою неприязнь.

– Тише ты, Анюта! Девочка выросла в Ленинграде, воспитана бабушкой, начитана, ты загляни – сколько у нее книг в комнате. А это о чем – то говорит, я считаю. Не надо обижать мою молодую подружку.

Старушки поедали приготовленные салаты и сразу переходили к десертам и чаю.

На мое удивление, Виктория ответила, что в их возрасте есть мясо уже вредно, а вот салатик и пирожные – это то, что делает жизнь вкуснее.

А после почтенные дамы усаживались за покер. Наблюдать это было намного увлекательней, чем смотреть любое телевизионное шоу. Мне было позволено, тихо сидеть в сторонке, и я упивалась этим зрелищем.

Подруги с азартом отдавались любимой игре. Щеки их покрывал румянец, глаза блестели, голоса становились звонкими, почти девчоночьими: «флеш», «фулл хауз», «флеш ройяль», доносились радостные возгласы.

Особенно мне нравилась Наталья Сергеевна – Натка, как звали ее подруги. Маленькая, с фигурой подростка, остроносенькая, с милыми сиреневыми кудряшками и грубым прокурренным голосом. Натка постоянно блефовала и делала это, как хорошая актриса, с абсолютно непроницаемым лицом. Иногда мне казалось, что она жульничает, но остальные или не замечали, или делали вид, что не замечают. Но каждый раз, после своей победы Натка объявляла перекур и мчалась на лестницу со своими неизменными папиросами.

Подруги ругали ее и за перекуры и за то, что ломает игру, но Натка каждый раз произносила одну неизменную фразу: «Надо ценить чужие слабости, они делают вас сильнее».

В конце вечера подсчитывали выигрыш – кто больше выигрывал, тот в следующий раз и был хозяином вечера. Но чаще собирались у нас, или у Натальи Сергеевны. У других были семьи.

– Танечка, – однажды вздохнув, начала разговор Виктория, – вот мы с тобой уже полгода общаемся, но я еще, ни разу не видела твоих друзей, твоего молодого человека. Ты стесняешься приглашать их в эту квартиру или я вам мешаю? Ты только предупреди меня о визите, и я буду сидеть в своей комнате, как мышка, даже котам не позволю двигаться. Мне очень хочется, чтобы ты устраивала как – то свою личную жизнь.

– Виктория Осиповна, а нет никакой личной жизни. Нет молодого человека, да и подруг, собственно тоже нет. Так получилось. Дружили с Надеждой – моей соседкой по квартире. Дома

вместе, в школе – вместе, а больше нам никто и не нужен был. А сейчас она пропала, не найти. Других подруг у меня не было. Так что никакой моей жизни вы не мешаете. Наоборот, делаете ее лучше. Я себя впервые за несколько месяцев перестала чувствовать одинокой.

Тогда Виктория надолго задумалась, но я не придала этому значения.

Глава третья

– Танюша, а что ты делаешь в эту субботу?

– Съемок нет и я, скорее всего, буду выходная.

– Чудесно! Тогда я приглашаю тебя на природу, точнее на дачу к нашей Лидочке. Отдохнем немного, воздухом подышим, а то в городе в такую жару можно задохнуться.

В том году конец апреля выдался на удивление жарким. Деревья еще только собирались с силами после долгой зимы и робко разворачивали крошечные зеленые листочки из набухших почек; травы почти не было, но случайно, по – ошибке, залетевший ветер с далекой Африки прогрел питерский воздух до температуры африканской Сахары. А наша знаменитая влажность сделала пребывание в каменном городе трудно переносимым.

– А ваша Лидия Николаевна не будет возражать?

– Глупости, какие, она сама тебя приглашала. Знает, что одной мне туда не добраться.

Из всех подруг Виктории, Лидия Николаевна нравилась мне меньше других. Со мной она почти не общалась, смотрела с высоко. Была немного надменна, постоянно отпускала язвительные замечания по любому поводу. На фоне других милых старушек выглядела холеной барыней – каждый раз приходя в модных нарядах и рассказывая о своих многочисленных путешествиях. Причем, главным воспоминанием непременно были гастрономические изыски. Складывалось впечатление, что она посещает страну только для того, чтобы поесть и купить подругам сувениры.

Старушки беззлобно подшучивали над ней, мягко ставя на место и не давая впасть в грех гордыни.

– Лидуль, а в каком музее ты в буфете креветками отравилась?

– В Мадриде, – закатывала глаза несчастная.

– А нечего в музей жрать приходить, там надо картины смотреть! – хрипло смеялась Натка.

– Глупая ты, Натка, ты ж знаешь, я, когда голодная ничего не воспринимаю. Злая становлюсь, раздражительная. Вот и приходится форму держать.

– Ага, и кушать все, что не приколочено.

* * *

В субботу мы встали рано, мне хотелось довести свою подругу в бодром состоянии, чтобы ее не разморило от духоты. Виктория всю дорогу сонно вздыхала, она не привыкла вставать в такую рань.

На станции из вагонов высыпали беспокойные дачники. С рюкзаками, сумками, ведрами, лопатами, картонными коробками с зеленой рассадой.

– Никогда не понимала это увлечение земледелием. Людям нечего есть? Мне казалось в магазинах сейчас достаточно овощей. Зачем тратить свою жизнь на бесполезный труд?

– Многие делают это для радости. Со мной работает женщина – она с таким удовольствием приносит с дачи свежую клубнику или молодую картошку и всех угощает. Рассказывает о своих маленьких экспериментах на участке, как удалось вырастить арбуз, хотя в нашем климате они не растут. А цветы у нее, какие! Человек получает положительные эмоции, в этом, наверное, и есть смысл этого увлечения.

– Об этом как – то не задумывалась. В нашем дворе живет одна пожилая гражданка, она постоянно кому – то жалуется, что у нее пропала рассада, и не уродился чеснок, и засохли огурцы в дорогом парнике. Мне всегда хочется остановиться и спросить у нее: «Зачем вам,

девушка, такие мучения? Не проще ли обойтись походом в Летний сад, если так уж нужен свежий воздух?»

– И что вас останавливает? Мне интересно, как она отреагирует на ваш вопрос.

– А я прохожу мимо. Мне почему – то кажется, что ничего хорошего она мне не скажет. Не мой человек!

У Виктории все люди делились на своих и чужих. К своим относились люди спокойные, выдержанные, с тихим голосом и хорошими манерами, люди, поддерживающие беседу, интересующиеся книгами и культурной жизнью города. К чужим – все остальные.

За беседой мы вышли на финишную прямую, как пояснила Виктория Осиповна.

– Видишь эту тополиную аллею, она приведет нас к дому Лиды. Правда, я не была здесь уже лет десять, и маленькие тополя превратились в настоящие баобабы, но дорогу я еще могу узнать. Вот после этого забора должна быть ажурная калитка, – Виктория Осиповна довольно выдохнула.

Я видела, как непросто ей давалось это путешествие, и специально останавливалась возле неброских цветов или аккуратно подстриженного кустарника, давая ей немного передохнуть. Она все тяжелее опиралась на мою руку, но вида, что устала – не подавала.

– Что – то не пойму, а где Лидина дачка? – Испуганно озиралась моя Виктория. – Может, я адрес перепутала, – она суетливо стала копаться в своем стареньком ридикюле. – Посмотри, милая, что тут написано, – перед моими глазами возникла пожелтевшая страничка, вырванная из маленького блокнота.

На листке ровным подчерком было выведено: улица Тополиная, дом 12 А.

Мы стояли возле забора, на котором был выписан этот же адрес.

– Виктория Осиповна, а, может, ваша Лидочка переехала в другой поселок, а вам сообщить забыла, вы же так давно не приезжали к ней на дачу? – высказала я предположение.

– Она ничего не говорила про переезд. Что – то было, про то, что они перекрывали старую крышу, но тут не только крыша, – старушка беспомощно кивнула на красавец – дом.

Я не знала, как успокоить свою подругу. Больше всего нас с ней страшила мысль, что сейчас надо развернуться и проделать весь этот трудный путь в обратном порядке, не имея возможности, хоть немного передохнуть. Мы топтались на месте, как вдруг, раздался радостный хриплый голос:

– Что застыли, девушки – подружки? Или Лидка не пускает нас на порог?

Обернувшись на голос, мы увидели Наталью Сергеевну. Она бодро вышагивала по дорожке в весьма эпатажном виде: брючки цвета хаки, кеды, куртка с надписью: «Стройотряд – 75», на голове – панамка в яркий желтый горох и рюкзак за спиной.

– Туристка! – хохотнула Осиповна, заметно оживившись.

– Так на природу же еду, вот и оделась соответственно. Еще заставят картошку копать, Лидка может.

– Это кто тут у меня собрался картошку копать? Мы ее только посадили! – сквозь калитку на нас смотрела Лидия Николаевна, одновременно открывая сложный замок.

– Ой, Лидочка, а когда же вы успели так преобразить свой домик. Его теперь домиком и называть неудобно, настоящая вилла.

– Да это Глеб все перестраивал. Думали, будем жить в нем одной большой семьей, а видите, как получилось, – вздохнула Лидия Николаевна.

– Ну, в жизни все так непредсказуемо, может еще поживете, вернется ваш Глеб из своей Америки. – Подбодрила подругу Натка.

– Проходите в дом, – пригласила хозяйка.

Она тепло обнялась со своими подругами и слегка кивнула мне. От ее строгого взгляда мне захотелось куда – нибудь скрыться или предложить заехать за Викторией вечером. Но

Наталья Сергеевна, словно почувствовав напряжение между нами, тут – же подхватила меня под руку и потащила показывать знатный малинник.

– Ты, Татьяна, только посмотри, какая в Ленинграде бывает малина! Я в жизни такой не видела, а вкусная какая. Правда, сейчас еще не сезон... О, парничек поставили. А кто это в нем работает? – веселилась Наталья Сергеевна. – Пугало, выходи, здороваться будем.

Из парника выскочил смешной человечек. «Пан – Пузик» – пронеслось в голове. Небольшого роста, с круглым выпирающим животом, на тонких ножках; голова его была повязана выгоревшей банданой, из – под которой выпадало несколько кудрявых прядей. Мужчина весело захохотал и подняв Натку, закружил ее над землей.

– Опускай, Ирод! Еще уронишь!

– Да чтобы я уронил такое сокровище! А это кто же с тобой, Натэлла, твоя найденная дочь?

– Глупые у тебя шутки, Коля! Это наша юная подруга, знакомься – Татьяна.

– Итак, она звалась Татьяна, – согнулся в поклоне Пан Пузик. – А я – Николай Семенович – пятая подруга этих прекрасных дам. – Мужичок сверкнул на меня карими озорными глазами.

– Не примазывайся, – отрезала Натка. – Дружбы с мужчинами не бывает. Продадут не по злобе, так по – дурости.

– Можно подумать женская дружба – это оплот порядочности, – надулась пятая подруга.

– Девочки, не ссорьтесь! – к нам неспешным шагом в ярком сарафане приближалась Анна Львовна. – Привет, девчонки, – кивнула она нам. – Меня сын вчера вечером привез. Он с друзьями на рыбалку поехал с ночевкой и по пути меня забросил. А сегодня вечером забрать должен, – пояснила она.

– А как там Виктория Осиповна? Она устала от жары и дороги, – спросила я тихо.

– Уложили ее, – тоже понизив голос, прошептала Анна Львовна. – Ты можешь ее проведать.

Я осторожно вошла в просторную прихожую. Мне никогда еще не приходилось бывать в таких домах. Да, по сути, ни в каких домах я еще не была.

Из прихожей на второй этаж поднимается широкая лестница, сквозь высокие окна, красиво задрапированные легкой тканью, льются лучи солнечного света, делая все пространство удивительно радостным. С улыбкой я пошла вглубь дома, откуда слышались женские голоса.

– ... пойми, ты, Вика, это его единственный шанс на настоящее счастье, мы ей хорошо заплатим, она нас еще благодарить будет, твоя дворняжка.

– Не смей ее так называть, Лидия! Сама – то забыла, откуда родом? – послышался грозный голос моей Виктории. – И что же это за счастье будет за чужой счет? Так и знай, Лида, я – против!

Никогда до этого мне не приходилось слышать, чтобы она с кем – то так строго говорила.

– Породой попрекаешь?

– Ты только это услышала? Пожалуй, мне не следовало сюда приезжать!

Я вошла в милую комнату, продолжая глупо улыбаться. С широкой тахты тяжело поднималась Виктория Осиповна.

– У вас замечательный дом! Такой солнечный, просторный! – обратилась я к Лидии Николаевне.

– Спасибо, девочка, сейчас будем делать окрошку. Ты поможешь мне?

– С удовольствием!

Лидия подхватила меня под руку и провела в большую кухню. На полу черно-белая плитка, большой овальный стол, а в углу, как украшение – настоящий камин, отделанный разноцветными маленькими плитками.

– Вот это чудо! – не смогла я сдержать эмоций. – Как, наверное, приятно сидеть вечерами на такой кухне и смотреть на живой огонь.

– А ты приезжай к нам чаще и сможешь тоже любоваться. Когда Глеб затеял этот ремонт, я была против. Меня вполне устраивал тот небольшой домик, в котором мы проводили несколько летних недель. Но Глеб тогда вернулся из Америки, где работал три года, он приехал под такими сильными впечатлениями. Ему хотелось все поменять, сделать так же удобно и красиво, как он видел там. И мы с Николаем Семеновичем сдались. Тем более что к ремонту нас не допустили. Глеб все сделал сам. Разработал проект, нанял рабочих и руководил всей стройкой. Нас только торжественно привезли на новоселье.

– Какой у вас замечательный сын. А где же он теперь, почему не живет в этом доме?

– Уехал. Вернулся в свою Америку. Не смог здесь прижиться и дом не помог, – вздохнула Лидия. – Америка – это же так далеко! Я и не долечу уже, – всхлинула несчастная.

– Не переживайте, может, он еще вернется? – мне было ее искренне жаль. Не люблю, когда старики плачут.

– Теперь уже не вернется.

Я нарезала овощи в глубокую стеклянную миску, а Лидия накрывала стол, расставляя красивые тарелки, высокие бокалы.

Снизу послышались радостные возгласы, звук автомобиля.

– Вы еще гостей ждете?

– Нет, все наши гости здесь, – удивленно пожала плечами Лидия Николаевна и выглянула в открытое окно. – Ой, Глеб приехал! Боже мой!

Она посмотрела на меня испуганно, прижала свои красивые руки к вспыхнувшим щекам и выбежала из кухни, прошептав:

«Это судьба!»

«А, может, мне показалась эта странная фраза?»

– Что там случилось, девочка? – в дверях возникла фигура Виктории.

– К Лидии Николаевне приехал сын! – Радостно сообщила я новость.

– Собирайся, Танюша, домой мне надо! Да и покер уже вряд ли состоится.

– Викушка – голубушка, да куда же мы поедем в такую жару? Сейчас самое пекло будет. Давайте вечером поедим? И за Анной Львовной сын обещал заехать, может, и вас прихватит. А я уж на электричке доберусь.

Если честно, то мне ужасно хотелось еще немного побыть в этом красивом доме, посмотреть на таинственного Глеба, про которого все так загадочно говорят. Мне все время казалось, что о нем чего – то не договаривают, замолкали мои старушки на самом интересном месте.

В своих фантазиях я представляла его таким высоким широкоплечим красавцем – Джеймсом Бондом, живущим жизнью полной приключений, погоней, стрельбой, перелетами в разные экзотические страны. И вот секретный агент прибыл собственной персоной на родину, повидаться с любимой матерью. И я должна уехать? Ну, уж нет!

Виктория сдалась без боя. Только грустно как – то вздохнула и махнула рукой, прошептав: «Будь, что будет!»

«Или и это мне показалось?»

Позабыв об окрошке, я поспешила на улицу. Три престарелых грации плотным кольцом обступили объект моего любопытства, совершенно скрывая его от меня. Николай Семенович стоял на некотором отдалении и с тоской смотрел на соседский забор. Но вот круг из тел разомкнулся и передо мной предстал невысокого роста мужчина, довольно субтильного телосложения. Из моей груди вырвался невольный вздох сожаления. Не таким я представляла таинственного агента Глеба – 007! Но взглянув в его темно – карие глаза, в которых прыгали сумасшедшие чертики, я поняла, что тону. Сердце мое вдруг решило сплясать разудалую джигу, подскочив к самому горлу. От неожиданности я закашляла.

– Знакомься, Глеб, это – наша Танечка. Ты с ней еще не знаком. – Представила меня Лидия Николаевна.

Мне навстречу двинулись два карих омута, поглощая меня целиком, не давая вздохнуть и отвести взгляд.

– Очень приятно видеть такую красавицу в нашем доме!

Он слегка сжал мои похолодевшие пальцы и чуть дольше задержал их в своей руке, продолжая гипнотизировать меня взглядом.

Красавицей меня никогда в жизни не называли! И какой чарующий у него голос! Наверное, он покорило немало женских сердец и выведал множество государственных тайн своим бархатистым голосом?

Если бы меня кто – нибудь попросил раскрыть секрет той смеси, которая позволяет быстро и без раздражения снять сложный грим с артиста, таким вот голосом, то я не задумываясь, написала бы рецепт на бумажке и еще вызвалась бы собственноручно ее приготовить.

– Боже мой, Глебушка, как неожиданно! Ты ничего не сообщил о своем приезде, у меня ничего не готово! – Запричитала Лидия.

– Поэтому и не сообщил, – наконец перевел взгляд на мать секретный агент. – Столько лишних хлопот. Но видишь, как все удачно получилось – посмотрю сразу всех в один вечер.

«Им, наверное, не положено сообщать о местах своего передвижения?» – промелькнуло в моей голове.

– Что же мы стоим, проходите в дом. Как там с окрошкой, Таня?

– Наверное, никак, – прохрипела я.

Николай Семенович как – то боком, низко наклонив голову, поспешил в небольшой домик, стоящий в конце участка.

В кухне хозяйничала Виктория. Она завершила утомительный процесс приготовления окрошки, выложила на блюдо спелые помидоры и даже присыпала их укропом, нарезала пергаментными кусочками сыр, который мы купили с ней в своем гастрономе, разложила в корзинку хлеб.

– Глебушка, твоя комната ждет тебя, там все в полном порядке. Ты, наверное, хочешь переодеться с дороги?

Возникла неловкая пауза, когда гости не знают, куда себя деть. Мужчины в таких ситуациях тянутся к рюмкам или сигаретам, а мои бабульки сиротливо жалась у входа в кухню, переступая с ноги на ногу.

– Ой, я же принесла вам свой капустный пирог, – спохватилась Анна Львовна.

– А у меня тут наливочка, – подмигнула веселым глазом Натка, притащив в кухню рюкзак.

А мне захотелось подняться вместе с Глебом в его комнату и ловить каждое его движение. Как он снимает с себя рубашку, как моет под краном руки, как причесывает свои густые темные волосы. Сердце вновь напомнило, что оно умеет танцевать, и я схватило за горло, чем вызвала подозрительный взгляд Виктории.

– Татьяна, с тобой все в порядке, что – то ты покраснела?

– Это от жары, – кивнула я, улыбаясь непонятно чему и улавливая легкие шаги, спускавшиеся по лестнице.

Он вошел с влажными волосами, в белой простой футболке и светло – голубых джинсах, мои ноги подкосились, и я плюхнулась на жесткий стул.

– Рассаживайтесь, прошу! – пригласила Лидия Николаевна. – Глеб, сходи, пожалуйста, за папой в его жилище.

Он как – то неохотно кивнул, но с места не сдвинулся.

– Я могу сходить, – вызвалась я в надежде, что Глеб пойдет вместе со мной.

Но он продолжал стоять на месте.

В небольшом, каком – то кукольном домике, было чисто и уютно. Покрывала, занавески, подушки на старом диване – все в оборках и веселых цветочках – делали две небольшие комнаты весьма кокетливыми, больше подходящими для проживания английской вдовушки.

Николай Семенович уныло сидел в плетеном кресле. Плечи его были опущены, взгляд устремлен в пол, бандана валялась в углу, а голова блестела большой загорелой лысиной, лишь сзади сиротливо болталось несколько вьющихся прядей. Мужчина постарел лет на десять, после нашего утреннего знакомства.

Что могло с ним произойти? Казалось, должен был радоваться – приехал любимый сын, с которым они долго не виделись.

– Николай Семенович, как у вас уютно! Просто прятничный домик! А меня послали за вами, все уже за стол садятся. Мы окрошку сделали, а Натка, то есть, Наталья Сергеевна наливку привезла. Все вас ждут! – Я все говорила, но старик продолжал рассматривать свой пол, не поднимая на меня глаз.

– Вам плохо, может вызвать врача или пригласить Лидию Николаевну?

– Все в порядке, девочка, со мной все в порядке. Если меня все ждут, то я сейчас буду. Я так понимаю, что ваш покер на сегодня отменяется в честь приезда дорогого гостя? – Последняя фраза прозвучала немного иронично.

– А вы не рады приезду Глеба? – Отважилась я спросить.

– Да, я не рад приезду Глеба! – Четко отчеканил старик и его взгляд не выражал ничего хорошего. – У вас еще есть ко мне вопросы?

– Извините, нет! Меня только послали вас привести, – я окончательно растерялась.

– Я услышал ваше приглашение.

– И что?

– Господи! Да приду я сейчас, – сжалился надо мной Николай Семенович.

За столом, не дожидаясь нашего возвращения, уже весело стучали ложками, в рюмках светилась вишневая наливка. Лидия Николаевна не сводила с сына счастливых глаз, лишь моя Виктория по – прежнему, хмурилась.

Я взглянула на Глеба и снова задохнулась от горячей волны. За те несколько минут, что я его не видела, он стал еще красивее. Рядом с ним стул оказался свободным, но я выбрала тот, что стоял с противоположной стороны стола. Сидеть рядом, чувствовать его так близко – нет, боюсь, мое сердце это не выдержит и мне придется ловить его на тарелке. А вот находиться напротив, смотреть, как он ест, как разговаривает, смеется – это я еще смогу выдержать. Хотя, тоже достаточно сложно.

– Танечка, может, вы сядете рядом с Глебом, он будет за вами ухаживать! – Перевела на меня взгляд Лидия.

– Нет – нет, я не привыкла к ухаживаниям, – ответила я довольно глупо.

– Давай, Танюха, я тебе плесну наливочки, расслабишься? А то, вон, как тебя штормит. – Тихим голосом предложила сердобольная Натка.

Я схватилась за рюмку, как за спасательный круг. Может, действительно пройдет мое наваждение. Что же со мной случилось, почему в голове такой туман и внутри все трясется? Крепко вцепившись в рюмку, я торопливо выпила сладковатую жидкость. Несколько пар глаз с удивлением уставились на меня.

– Ой, простите, – пролепетала я.

Ну, конечно, надо было дожидаться всех, выслушать длинный добрый тост за встречу в этом доме. Или, что обычно говорят в таких ситуациях? «Как стыдно, Таня! – корила я себя. – Наверное, так пьют только конченные алкоголики возле пивных ларьков ранним утром. И что теперь подумает обо мне красавец – мужчина? Что меня нельзя будет взять с собой на прием к английской королеве! А с чего я вообще решила, что он захочет взять меня с собой? А как же иначе? Ведь я его люблю! Да, бабушка, я встретила свою любовь! Она пришла, когда я уже ее

не ждала. Все случилось, как ты и говорила! Только, как же долго она меня искала! Наверное, надо было пережить тот ужасный переезд из своей отдельной квартиры и переехать к Виктории и подружиться с ее замечательными подругами... Все в этом мире не случайно!»

От этой мысли стало так радостно! Мне захотелось кружиться по комнате, как в детстве, а еще лучше, чтобы меня за руки держал Глеб. Я легко поднялась со своего стула и комната весело начала кружиться, не дожидаясь, когда я займу удобную позицию. Ой, как хорошо! Как замечательно – прекрасна жизнь, в которой столько всего интересного!

Но чьи – то сильные руки стали хватать меня, не давая насладиться движением, на мое лицо шлепнули противное мокрое полотенце. Я поняла – это злая Лидия не хочет, чтобы я любовалась на ее сына. А вот и нет, не тебе одной он должен принадлежать. Я пыталась сбросить с себя мокрую завесу. Вскоре кружение прекратилось, что – то тяжелое сдавило мою грудь и ноги, в глазах стало темнеть, словно черная туча наплывала на небосклон... Только его глаза – два глубоких карих омута все манили и манили меня к себе.

* * *

Очнулась я, когда в комнате горел ночник. Рядом со мной опустив голову на грудь, дремала Виктория.

– Эй, а что тут происходит? – хрипло пробормотала я.

– Очнулась? – бросила на меня недовольный взгляд Виктория.

– Что – то я не помню, чтобы я спать укладывалась.

– А как рюмку махнула, и дебош устроила, помнишь?

– Дебош? Виктория Осиповна, вы о чем?

– Танюша, видимо в твоём организме не хватает каких – то ферментов и пить алкоголь, даже такой слабый, как Наткина наливка, тебе нельзя категорически, особенно в чужих компаниях. Ты тут столько наговорила, – махнула рукой Виктория.

– Что я наговорила? – содрогаясь от ужаса, пролепетала я.

– Да, порядком, – хихикнула непонятно чему моя подруга. – Что ты на прием идешь к королеве и сопровождать тебя просто обязан именно Глеб, как лучший секретный агент. А Лидку ты просишь не беспокоиться, потому что отныне о ее замечательном сыне будешь заботиться ты одна. Ой, Таня, Таня, – грустно вздохнула Виктория. – Что же ты так, милая?

– Мы немедленно уезжаем, – я стала неуклюже выбираться из кучи одеял, набросанных на меня.

Щеки пылали от стыда и беспомощности. Я понимала, что взглянуть теперь на Глеба и его родителей я просто не смогу. «Легче утопиться! Надо же быть такой дурой, чтобы из-за одной рюмки пустить под откос судьбу свое счастливое будущее с тем единственным мужчиной, которого я ждала все долгие годы!»

– Ну, куда теперь – то? Ночь на дворе! Электрички уже не ходят и метро закрыто. А пешком ты меня не дотащишь!

– Я сама пойду пешком. Я дойду! – упрямылась я, сгорая со стыда.

– Утром поедem! Так и быть, встану по – раньше, чего не сделаешь ради дружбы. Не кори себя, Татьяна, все к лучшему. А на Глеба этого не особо засматривайся. Он далеко от нас, так далеко, что ты даже не представляешь!

Но спать я не могла, в голове звучали слова Виктории: «пойдешь на прием к королеве... с лучшим агентом...»

Ой, как стыдно! Я откинула одеяло и спустила босые ноги на холодный пол. «Надо на улицу выйти, постоять на сизой от инея травке, может, заболею и умру!» Но колючее одеяло я все – таки, прихватила с собой, на тот случай, если передумаю умирать.

В доме было холодно и тихо. Я на цыпочках прошла к входной двери, она открылась бесшумно. Я ступила на сырую холодную землю, ноги словно обожгло. Первой мыслью было вернуться в дом – по сравнению с улицей там было даже жарко. Но вспомнив вчерашний вечер, я вновь испытала муки совести и семенящими шажочками стала продвигаться по саду.

Густая тишина сдавила уши, я набрала в грудь воздуха, намереваясь стоять столько, сколько нужно для переохлаждения. Жаль не посмотрела на часы. Сейчас, наверное, часа три ночи. На небе ярко светили звезды. В городе они так не светят. Стесняются, видимо, неоновых огней. Я запрокинула голову и улыбнулась, так мне вдруг стало хорошо и радостно от этой тишины, от того, что вижу это вечное звездное небо.

Ну и ладно, если Глеб никогда больше не посмотрит в мою сторону, главное, что я испытала, это великолепное чувство любви, пусть и так непродолжительно.

– Тебе тоже не спится, Таня?

Я вздрогнула. На лавочке под навесом, кто – то сидел. Я робко пошла на голос. Это был Глеб.

– Иди ко мне. Ты, наверное, замерзла?

Но на меня накатила жаркая волна, даже ладони вспотели. Очень не хотелось прикоснуться к Глебу своими мокрыми ладошками.

– Вы тоже гуляете? – Задала я самый глупый вопрос, который мог прийти в мою голову.

– Просто спать не могу.

– Глеб, я должна извиниться перед вами. Мы первый раз встретились... Я вела себя, как... Виктория говорит, что у меня не хватает ферментов и мне пить нельзя. – Забубнила я, чувствуя, что краснею до корней своих жидких волос.

– Глупости! Просто ты ничего не ела с утра. Дорога, жара эта апрельская, вот на тебя и подействовала наливка. Не бери в свою прекрасную голову эту чушь про ферменты, лучше пей качественный алкоголь. Шампанское, например или вино. Ну, иди ко мне, а то простудишься.

Его плед, брошенный на плечи, распахнулся и я, не задумываясь, юркнула в это теплое убежище. Глеб тесно прижал меня к себе, обнял за плечи и стал тихо растирать мою замерзшую спину.

– Господи, какая ты холодная! Зачем вышла в одной рубашке? – Он немного отстранился и пристально посмотрел на меня.

Не говорить же ему, что я мечтала простудиться и умереть? Какая же я была глупая несколько минут назад. Он даже не обратил внимания на мой пьяный дебош.

А потом произошло чудо, Глеб слегка приподнял мой подбородок и нежно коснулся губами моих губ. Во мне все затрепетало, дыханье перехватило, и я закашлялась. Решительно мой организм не создан для любви. Но Глеба мой кашель, казалось, не смутил. Он только крепче сжал меня в своих объятиях и вновь прижался к моим губам. Я тоже со всей силы прижала к нему свои губы. То, что он стал делать дальше, мне не совсем понравилось. Его язык стал настойчиво разжимать мой рот, но я только крепче стискивала зубы.

– Ты чего? – наконец не выдержал Глеб.

– Что? – не поняла я.

– Тебе сколько лет?

– Почти двадцать три! – вздохнула я. «Может, он боится совратить малолетку? Надо его успокоить».

– И ты никогда не целовалась?

Я молчала. А что говорить? Что в последний раз я должна была целовать мальчика в детском саду? Тогда мы играли в свадьбу. И каждая пара жениха и невесты должна была скрепить узы брака поцелуем. Но мой жених целоваться отказался, и мы просто стояли и смотрели друг на друга и на тех, кто скреплял свою игрушечную семью поцелуями.

– Я думал, что в природе таких, как ты не осталось! – Глеб был по – настоящему удивлен. – Какая ты необыкновенная, – прошептал он и вновь стал целовать меня.

На этот раз он все делал медленно и нежно, у меня закружилась голова, я словно парила в воздухе. Одной рукой я обняла его за шею, другой стала тихо водить по его обнаженной груди. Он тихо охнул и тоже стал ласкать мою грудь.

– Ты дрожишь, Глеб! Я заморозила тебя!

– Я теряю от тебя голову, – прошептал он.

Вот эти слова, которые я так долго ждала и твердо знала, что обязательно услышу.

– Пойдем в мою комнату, – предложил Глеб.

И мне было все равно куда идти: в его комнату или на край света, только бы вместе. Мы тихо поднялись и вошли в дом...

* * *

Рано утром меня растолкала Виктория.

– Татьяна, собирайся, домой едем – там кошки одни голодные!

– А вы уже выспались? Еще так рано! Кажется, в доме все спят.

Тело мое приятно ныло, напоминая о прошедшей ночи, видеть перед собой Викторию не хотелось, передо мной еще возникал образ Глеба, его сумасшедшие глаза, темные волосы.

– А мы уйдем по – английски, никто не обидится, – отрезала моя подруга тоном не терпящим возражений.

Я не знала, как поступить. Мне безумно хотелось встретиться с Глебом. Посмотреть на него, после вчерашней ночи. Мы даже ни о чем не договорились, не поговорили толком. Я не знала где и когда мы с ним должны встретиться, он не спросил ничего обо мне.

«Господи! Ну что же мне делать? Рассказать все честно Виктории? Что я влюбилась по – настоящему! И меня полюбил самый лучший мужчина на земле! И у нас должна быть свадьба, и столько всего еще надо сделать, а она увозит меня к своим кошкам!»

– Наверное, надо поставить чайник? А то, как же мы в дальнюю дорогу и без чая пойдем? У вас еще давление повысится, – хваталась я за соломинку.

– У меня скорее повысится давление, если мы останемся здесь еще на пять минут. Одевайся, я готова!

«Ну, вот почему я такая? Почему никогда не могу сказать людям, что мне что – то не нравится или неудобно? И сама потом страдаю!»

С тяжелым сердцем я стала собираться, тянув минуты, и взывая к Глебу: «Миленький мой, ну, давай, просыпайся, выходи из своей комнаты, меня же сейчас увезут!» Ни шороха, ни вздоха, весь дом спит мертвым сном. А, может, он умер? Бывает же такое во сне? Мне надо подняться и посмотреть, как он там?

– Татьяна, прекрати копать, идем! Поверь мне, девочка, сейчас для тебя будет лучше, если ты исчезнешь, не простившись! – тихим, усталым голосом проговорила Виктория, не глядя на меня.

Сердце мое ухнуло с полутораметровой высоты и застыло в районе левой пятки.

«Выходит, Виктория все про нас знает? Тогда тем более не надо ничего скрывать!»

– Я хочу с ним проститься и рассказать, как меня найти, – тоже, не глядя ей в глаза, прохрипела я.

– Танечка, послушай свою старую соседку. Ты стала мне очень дорога, и я желаю тебе самого большого счастья, которое ты только сможешь вынести, но будет лучше для всех, если мы уйдем сейчас.

В голосе ее было столько страдания, что я решила не спорить. Всю дорогу, пока мы шли до станции, я надеялась, что Глеб проснется, увидит, что меня нет, и побежит догонять. Я

не оглядывалась, но мои уши, казалось, развернулись назад, как у наших котов и все время прислушивались – не слышно ли торопливых шагов.

Только когда за моей спиной закрылась раздвижная дверь электрички и Виктория прошла в полупустой вагон, я повернулась и долго рассматривала безлюдный перрон, надеясь каждую секунду сорвать стоп-кран, если покажется фигура Глеба.

До самого вечера я боялась выйти из квартиры в надежде, что он приедет за мной в город. Наверняка, он все расспросил обо мне у Лидии. И она рассказала ему, что живу я вместе с Викторией Осиповной, а уж, где проживает подруга его матери, он должен знать.

Но кончился воскресный вечер, наступил понедельник, а никто меня не разыскивал.

В павильонах снимали очередную серию про бандитские разборки, и работы было много. Щедро обмазывались актеры краской, похожей на кровь, выбеливались лица сериальных наркоманов.

Я, постоянно думая о Глебе, делала все автоматически, даже не глядя в зеркало.

– Таня, Таня, очнись! У нас в планах кино о вампирах еще не стоит. Ты кого из Андриюхи сделала? Еще пару красных капель по подбородку пусти и вылитый граф Дракула.

Я вышла из своего забытья и посмотрела на молодого актера из нашего ТЮЗа. Несчастный, вжав голову в плечи, испуганно смотрел на свое отражение. Белое лицо, глубокие синяки под глазами и брови ему зачем – то затемнила. Ну, вылитый Дракула. Я торопливо стала снимать грим, поминутно извиняясь перед молодым актером.

– Не волнуйтесь, Таня, в зеркале пока отражаюсь и то хорошо! – попытался шутить Андрей.

Все вокруг засмеялись, а я покраснела.

– Таня, а давайте после съемок кофе выпьем, – робко предложил Андрей.

Если честно, то мне этот милый паренек сразу понравился, как только он пришел в наш павильон. Высокий, светленький, с открытым мальчишеским взглядом. Большие голубые глаза постоянно улыбались, даже если он был серьезным. И как его утвердили на роль наркомана? У Андрея было амплуа положительного героя. Ему больше бы подошли роли сказочных принцев или комсомольцев – добровольцев. У него был какой – то особенный голос, вовсе ему не подходящей – глубокий баритон. И я каждый раз удивлялась, когда он заговаривал.

Но когда он входил в кадр, то менялся фантастически: голос становился сильным и дрожащим, как у дряхлого старика, задорные глаза гасли, широкие плечи опускались, и вся его осанка больше походила на вопросительный знак.

Может, если бы он позвал меня в кафе несколько дней назад, я бы согласилась с большой радостью? Но тогда я бы не встретила ГЛЕБА!

– Спасибо, Андрей, но за мной должен заехать жених! – промурлыкала я не в силах сдерживать счастливые эмоции, которые окатили меня теплой волной, как только я произнесла эту фразу.

– Да – да, конечно, простите, Таня, это было так глупо с моей стороны...

Даже сквозь белила на его лице я заметила румянец.

– Что вы, Андриюша, почему вы извиняетесь? Кофе – это прекрасно, и мы с вами обязательно выпьем по – чашке, просто сегодня я занята.

Я ли это сказала? Сама себе удивляюсь. Еще несколько дней назад я бы заблела козой, если бы меня кто – то пригласил на кофе. А тут слова... Интересно, вот если говорят: слова не мальчика, но мужа, то применительно к женскому роду, как будет: слова не девочки, но женщины? Как – то так.

И вновь я увидела в этом знаки Судьбы.

* * *

Но в мучительном ожидании прошел вечер, за ним такой – же пустой, потерянный день. Мне было значительно лучше, когда я находилась рядом с дверью. Я опускалась на старую маленькую скамеечку, выставленную кем – то из соседей за ненадобностью, прислоняла свой горячий лоб к входной двери и так сидела в оцепенении. Коты бегали от меня к Виктории, что – то ей торопливо докладывали на своем кошачьем языке и тут же возвращались ко мне, но надолго их не хватало. Сидеть в темном коридоре на голом полу было выше их королевского понимания.

Виктория иногда выходила из комнаты, молча, взирала на меня, тяжело вздыхала; может, осуждая, может, сочувствуя, но вслух своих мыслей не озвучивала.

А я рисовала в своем бредовом воображении картины счастливой жизни. Как я буду долго ждать Глеба из его опасных командировок. Но мне не будет так тяжело, как сейчас. Потому что я знаю, что он обязательно вернется ко мне, а сейчас я ничего не знаю. НИЧЕГО! Почему он не приходит, что случилось, а может, он уже уехал на свое важное государственное задание? Или вредная Лидия Николаевна рассказала ему обо мне что – то ужасное? Что я такое говорю? Никакая она не вредная, мне теперь надо с ней дружить и во всем ее слушать, она же его мама!

Я проваливалась в сон, почти падая со своего маленького островка надежды, но мужества уйти в комнату у меня не было. А вдруг я усну, а Глеб придет и не сможет до меня дозвониться? Мне почему – то казалось, что Виктория не станет впускать его в квартиру. И за что она его недолюбливает?

– Татьяна, прекрати маяться дурью! – Наконец, моя соседка не выдержала и решительно подошла ко мне. – Что ты строишь из себя жертву непонимания? Эка невидаль – принц заморский! И что тебя в нем заинтересовало? Хлюпик, никаких примет настоящего мужчины! Ростом невелик, глазки маленькие, как у мышонка, на голове бобрик стриженный, да и порочен, как... – она не договорила.

Я вскочила на ноги, сжимая кулаки:

– Да, как вы смеете, так о нем говорить! Вы – отсталая женщина, даже не знающая мужчин. Непонимающая, как должен выглядеть настоящий, благородный мужчина! Вам, очевидно, нужен мужлан с пудовыми кулаками и нечесаными патлами?

– Опомнись, девочка, ты, что это так разошлась? – Попятилась Виктория. – Он сегодня утром улетел на свой Запад, мне Лидка рассказала. Побыл пару дней и – привет. И свое будущее он с Питером не связывает. Его утонченной душе наши порядки не по нраву. Нечего тут вахту нести, поняла?

– А... – слезы не давали мне произнести ни слова, – а...а...а почему он со мной не простился?

– Тань, – устало присела на мой стульчик Виктория, – ну кто ты для него? Подумай сама. Это он – твой первый мужчина, долгожданная любовь. (Вот уж, бес попутал!) А ты для него обычная девчонка, подвернулась случайно, что ж не воспользоваться? Он, что, тебе в любви до гроба клялся? Обещал жениться или с собой забрать?

Я помотала головой. «Конечно, права Виктория, во всем права. Это я себе все нафантазировала, непонятно чего ждала, а он ничегошеньки мне не сказал. Но глаза – то его надо мной кричали, что я нужна ему, я это чувствовала, это – же я не могла придумать!»

– Пойдем, девочка, я тебе наливки накапаю. Ты, хоть и побуянишь пару минут, зато потом уснешь спокойно.

– Я не хочу! Я и без нее усну.

– И то верно! Кажется, третью ночь в полудреме?

Как – то стало вдруг пусто внутри. Будто все из меня вынули и выбросили. Только что билось сердце, болело в солнечном сплетении и внизу живота, а сейчас все прошло. И в голове никаких мыслей. «Прощай, Глеб! Возвращайся на свою секретную службу. Пусть тебя ждет

кто –нибудь другой! А я буду оплакивать свою несостоявшуюся любовь, несбывшееся счастье, и не узнаешь ты, как могу я любить, какой могу быть преданной, и как тебе было бы хорошо со мной. Прощай, Глеб!»

* * *

Но Глеб все – таки появился!

Вечером я пригласила Андрея выпить кофе в ближайшем кафе. Сама не поняла, зачем я это сделала. И Андрей, похоже, тоже не понял. Я смыла ему грим, и его румянец стал пылать на всю мою маленькую гримерку.

В кафе мы сидели молча. Выпили по чашке отвратительного горького кофе. Разговор не клеился, смотреть на него мне не хотелось, и я разглядывала прохожих сквозь большие стеклянные окна.

– Таня, вы поссорились со своим женихом? – Вдруг задал Андрей предсказуемый вопрос.

– Простите, глупо все получилось, не нужно нам было пить этот кофе, – я поспешно поднялась и, не глядя на него, быстро вышла на улицу.

В отличие от Глеба, Андрей выбежал за мной.

– Таня, все у вас будет хорошо! Это вы меня простите! Не надо грустить, вам так идет ваша улыбка. Хотите, пройдемся по Петроградке или я провожу вас до дома? Где вы живете?

– Да вот там, через дорогу мой дом! Так что провожать меня не надо. Спасибо вам, Андрей! Вы очень талантливый молодой человек. Это не только мое мнение, это все говорят! Вас ждет большой успех!

– И никто не хочет его со мной разделить, – тихо пробормотал юноша.

А я пошла, гулять одна. Домой идти не хотелось. Там меня ждали сочувствующие коты и нарочито бодрая Виктория. Она пыталась меня тормозить, приглашала на выставки, просила, чтобы я сопровождала ее в поход, который устраивала Натка. На поход я согласилась. Тем более что предполагалось ехать в мой любимый Пушкин.

Я бесцельно бродила по Каменноостровскому проспекту, заходила во дворики, сидела на пыльных лавочках. Купила в магазине ненужный мне коврик и большой рулет с маком. Выпила в кафе огромную чашку зеленого чая. Наконец, поняв, что больше не могу сделать и шага, медленно двинулась в сторону дома.

Около нашей парадной стояла большая красивая машина, посверкивая темным гляncем. «Почти, как у Глеба!» – мелькнуло в голове. И вдруг, как в красивом кино, дверца ее приоткрылась, и из машины вышел Глеб. Он стоял, широко улыбаясь, глядя на меня своими удивительными глазами, и меня вновь потянуло в этот омут, мне снова захотелось утонуть, не обращая внимания на то, что происходит там, на поверхности.

– Ты же уехал, мне сказали. . .

– Ваша разведка работает оперативно, но не точно! – Улыбнулся он. – Пришлось ввести родителей в заблуждение насчет моего отъезда. У меня еще есть два дня, две ночи и один номер в гостинице. Ты согласна разделить все это со мной?

«Господи! И он еще спрашивает?! Он еще сомневается?!»

Я, наверное, так широко еще никогда не улыбалась. Глеб без слов подошел к машине, открыл мне дверцу, я так же молча села рядом с ним, и мы поехали. Мы всю дорогу молчали, и когда поднимались в зеркальном лифте молчали, и когда снимали друг с друга одежду и после. . . На протяжении этих двух дней мы почти не разговаривали.

– Ты сумасшедшая! Ты знаешь это? – спросил меня Глеб, когда мы с ним расставались.

– Я буду тебя ждать. Сколько надо, столько и буду. Хочешь год, хочешь десять лет. Ты только появишься еще, хоть разок в моей жизни.

Он ничего не ответил, только больно притянул меня к себе, схватив за шею. Наши глаза были на одном уровне, и мы стояли так и смотрели друг на друга.

– Почему? – тихо спросил он.

– Потому, – ответила я.

* * *

– Ну, что? – в дверях стояла Виктория.

Казалось, она тоже, так же, как и я два дня назад, просидела на маленькой скамеечке вместе со своими котами. Я ужасная эгоистка, забыла о своей подруге, забыла, что ее надо предупредить, чтобы она не волновалась.

– Я знаю, ты с Глебом была! А Лидку, видно, в заблуждение ввел, насчет своего отъезда, – рассуждала сама с собой моя соседка.

Мне не хотелось ей ничего объяснять. Казалось, если я произнесу хоть слово, то разрушу волшебство, происходящее со мной все эти два дня и две ночи. А так, вокруг меня все еще продолжается чудо любви. И я чувствую тяжесть Глеба, его сильные руки и нежные поцелуи и вижу перед собой два сумасшедших омота его глаз.

Я только взглянула на Викторию, кивнула ей и пошла в свою комнату. Мне надо немного поспать и потом можно думать о Глебе. Сколько мне захочется и как мне захочется! И это мой мир, под названьем – Глеб. И никто его у меня не вправе отнять!

И я стала придумывать свою прекрасную жизнь вместе с моим мужчиной. Придумывать наши путешествия, наши жилища, наших собак и, конечно, детей. При этой мысли сердце заходило в счастливом ритме, щеки становились горячими, и душу переполняло чувство сумасшедшей радости.

Мне было хорошо и уютно в своем мире. Жизнь в нем была спокойной и радостной. Я приходила с работы, на которой старалась ни с кем не вступать в разговоры, чтобы не разрушать свое хрупкое счастье, пила на кухне чай и уходила в комнату. Виктория что – то мне говорила про своих подруг, про новые выставки, про погоду, которая должна, наконец, испортиться, потому что не дело в конце апреля такая жара. Я слушала, кивала и, допив чай, уходила. В своей комнате я ложилась на диван и погружалась в счастливые грезы.

Я ждала Глеба. Конечно, я понимала, что вернется он не скоро. Он ничего мне не сказал, хотя, я так надеялась, что он пообещает мне приехать или предложит улететь вместе с ним. Ну, хоть что – то он должен был мне сказать, оставить маленькую надежду.

Но слов сказано не было. Был сухой поцелуй в холле гостиницы и все.

Наверное, так я провела пару месяцев в своих грезах, лежа на диване. Виктория как – то смирилась и перестала приставать ко мне со своими разговорами. Иногда она уходила куда – то одна, и уже не приглашала составить ей компанию. Коты бесшумно входили в мою комнату и укладывались мне на живот, тихонько мурлыча.

Я все глубже погружалась в свои мечты, но человек не может входить в спячку, как медведь. Ему, наверное, надо двигаться, чем – то питаться, а то он превратится в большое существо. Что – то подобное случилось со мной. Мне все сильнее хотелось спать. Я буквально спала на ходу. На работе мне постоянно делали замечания. Есть я не могла, меня постоянно тошнило. Голова стала кружиться. И я даже испугалась и, поддавшись на уговоры, пошла к врачу.

Местный терапевт, с подозрением глядя на меня, направил к другому специалисту.

– Замужем? – устало уточнила полная докторша.

– Нет, – честно ответила я.

– Направление на аборт выписываем?

– Зачем?

– Рожать хотите?

– Кого? – не могла я взять в толк ее вопросы.

– Девушка, не морочьте мне голову. Откуда я знаю, кого вы собрались рожать. Придете через несколько месяцев, скажем точно: мальчик или девочка. Ну, что решила?

– Я, что беременна?

– А сама не догадалась? – Врачиха уже смотрела на меня с интересом.

От нее я вышла с таким чувством радости, словно мне дали твердую гарантию, что все мои мечты и грезы о прекрасном сбываются! У меня будет ребенок. Ребенок Глеба! О чем еще мечтать? Голова кружилась, но это меня уже не пугало.

Только сидя в электричке, я поняла куда еду. Конечно, мне обязательно надо узнать у Лидии, как связаться с Глебом. Надо как можно скорее сообщить ему эту радостную новость! Господи, как бы мне хотелось видеть при этом его удивительные глаза, его улыбку. В том, что он обрадуется, у меня не было никакого сомнения.

Вот и подросшие тополя, с той поры, как я видела их в последний раз, они покрылись серебристыми листочками. И аллея стала нарядной и тенистой.

Остановившись возле калитки, я постучала по ней палочкой. Но на мой зов никто не вышел. Тогда я принялась кричать, звать хозяев по именам. Вскоре ко мне вышел из парника Николай Семенович.

– Ой, да у нас гости? – обрадовался он. – Вы одна, милая девушка, без своей суровой барыни?

– Здравствуйте, да я одна приехала! Мне очень нужно связаться с Глебом! У меня есть радостная новость! – Не могла я сдержать своих чувств!

– Сейчас, – старичок принялся возиться с замком, вымазанными землей руками. На этот раз на нем были вылинявшие шорты, непонятного цвета майка и неизменная бандана. Ни дать, ни взять – раб на плантации.

Наконец, замок был повержен, и передо мной широко распахнулась калитка.

– Проходите, милая барышня! Мы всегда рады гостям, тем более таким очаровательным!

Он провел меня к большому дому и крикнул:

– Лидочка, ты посмотри, кто к нам приехал!

Лидия Николаевна с радостной улыбкой вышла из дома, но увидев меня, ее улыбка погасла, глаза стали смотреть жестко.

Стараясь не замечать ее неприязненного взгляда, я продолжала находиться в состоянии бурлящего счастья.

– Здравствуйте, Лидия Николаевна, мне надо с вами поговорить, то есть, узнать, как мне позвонить Глебу. У меня для него радостное известие.

– Проходи, Таня, – как – то грустно пригласила меня Лидия.

А мне хотелось обнять ее, закружить, сказать, что скоро она станет бабушкой. Почему – то я не сомневалась, что это известие должно ее обрадовать.

– Лидия Николаевна, как можно связаться с Глебом? – повторила я свою просьбу, заметив, что Лидия продолжает молчать.

– Он, обычно, сам звонит нам. Звонок в Америку стоит очень дорого для пенсионеров.

И тут раздался долгий телефонный звонок, Лидия растерянно смотрела на телефон, переводила нерешительный взгляд на меня.

– Это же Глеб, – не выдержала я. – Это он звонит!

Оттолкнув, стоящую истуканом Лидию, я схватила трубку:

– Алло, Глеб, это ты? – Голос мой звенел от радости.

– Да, а вы кто, что с мамой?

Я сползла по стенке на пол, продолжая стискивать телефонную трубку.

– Глеб, родной мой, это я – Таня! Я пришла узнать номер твоего телефона, мне так нужно рассказать тебе свою новость! С мамой все в порядке, – торопливо добавила я.

Глеб молчал.

– Ты слышишь меня, Глеб? Ты еще там? – заволновалась я.

– Да, Таня, что у тебя за новость? Мне кажется, ты зря приехала к моим родителям. Ты же обещала просто меня ждать. Быстро же кончилось твое терпение.

– Нет, ты не представляешь... Я и сейчас, готова ждать тебя целую вечность, ты не думай, не сомневайся во мне. Просто, теперь мы будем ждать тебя вдвоем. Я и наш малыш! У нас будет ребенок, Глеб! Ты слышишь меня, родной?

Краем глаза я заметила, как так же сползла по стенке Лидия, только она успела усесться на стул.

– Таня, я тебя слышу. И это очень радостная новость! Я скоро прилечу к тебе, и мы все обсудим, ладно?

– Я жду тебя, Глеб!

Я закрыла глаза, казалось, силы меня покинули. Слишком много мне пришлось пережить за сегодняшний день.

– С тобой все в порядке? – надо мной склонилось грустное лицо Лидии Николаевны.

А я думала, она будет радоваться...

– Да, со мной все отлично! Если можно, воды...

Так же холодно мне протянули стакан с водой. Я неуклюже поднялась и, выпив воду, пошла к выходу. Никто меня не остановил, вопросов не задал. За своей спиной я слышала только тишину.

Ну и пусть. Я слышала, как ревнуют свекрови своих сыновей, наверное, это тот самый случай. В конце концов, к такой новости тоже надо привыкнуть.

Из своего домика ко мне спешил Николай Семенович, в чистой рубашке и джинсах.

– Танечка, девочка, подышать вышли? Да, воздух у нас сказочный, даже, я бы сказал – вкусный. Чувствуете? – И он с шумом вдохнул полной грудью. – Сейчас чайку выпьем теплой компанией. А то мы с Лидочкой тут дичаем в одиночестве.

– Спасибо, но мне уже домой нужно! Поздно! А я с Глебом поговорила. Он как раз звонил! – Поделилась я радостью. – У нас малыш будет!

И снова мою радость не разделили. Николай Семенович только махнул рукой и опустился на лавочку, рядом с домом, обхватив свою лысину двумя руками.

* * *

А ко мне вдруг вернулись силы. Энергия просто бурлила, зашкаливала. Я стремительно носилась по родному Ленфильму из павильона в павильон. Улыбка словно приклеилась к моему лицу. Каждое дело, каждый разговор с людьми был мне в радость. Мне делали комплименты, оказывали маленькие знаки внимания. Приносили кофе, угощали конфетами.

– Таня, вы вся светитесь, – подошел ко мне в перерыве съемок Андрей. – Помирились со своим женихом?

– А я с ним и не ссорилась. Просто он далеко, очень далеко. И мне было без него плохо, понимаете?

Андрей только грустно кивнул.

А я не стала рассказывать никому о своей радости. Никому, даже Виктории. Когда я вернулась поздно вечером от родителей Глеба, она не вышла, как обычно из своей комнаты. Дверь ее была плотно закрыта, даже коты не смогли меня встретить.

«Ну и ладно! – слегка обиделась я. – Я тоже не стану все рассказывать!»

Если честно, то я немного обиделась. Виктория всегда дожидалась меня после поздних съемок. «Это мое единственное оправдание, чтобы не укладываться в постель», – как – то отмахнулась она, когда я попросила не дожидаться меня так поздно.

– Не могу я спать, Танюша! Все с призраками своими разговариваю, жизнь вспоминаю. И ничего хорошего на ум не приходит. Никто меня добрым словом и не вспомнит. Ни детей, ни внуков. Одно светлое воспоминание, как мама сказки читала под этой лампой. Получается зря жила.

– Ну, что вы, Виктория Осиповна! У вас такие подруги замечательные, они вас любят, волнуются за вас!

– Это самые стойкие остались! – усмехнулась Виктория. – Бросали меня, но чаще я уходила. Не могла никогда терпеть ложь, предательство, подлость. Всегда считала, если дружишь с кем, то уважай человека. Не обсуждай его жизнь с другими, скажи ему в лицо, что тебе не нравится. А иначе, какая же это дружба? Но видно, не права я была. Прощать надо людей.

– Ничего не надо, – согласилась я с подругой. – Зачем общаться с человеком, тратить на него свое время и душу, который вас не уважает, который может ранить вас в любую минуту? И вы сидите и ждете от него подлости. Так что не печальтесь, моя дорогая, Виктория Осиповна! Хорошо вы свою жизнь прожили, так своим призракам и передайте! А то, что детей нет, так это и в наше время проблема. И хочешь родить, да не от кого!

Этот разговор у нас состоялся несколько месяцев назад, когда еще в моей жизни не было ни Глеба, ни ожидания чуда.

Утром, когда Виктория не вышла к нашему завтраку, я тихо постучалась к ней в комнату:

– Виктория Осиповна, у вас все в порядке? Я кофе сварила и есть ваши любимые вафли. Через несколько минут недовольные голос произнес:

– В моей жизни все хорошо, разберись со своей.

«Что это значит? – удивилась я. – Мы вроде не ссорились?»

Коты остервенело скребли дверь, желая со мной поздороваться, но, похоже, в них запустили тапком и они прекратили борьбу за свободу.

Чем дальше, тем интереснее.

* * *

Глеб ждал меня вечером возле Ленфильма – до невозможности красивый – в светлом плаще и клетчатом шарфе. В руках у него была элегантная кожаная сумка и букет моих любимых ирисов. Проходящие мимо него сотрудники Ленфильма, а больше, конечно, сотрудницы, бросали заинтересованные взгляды. Даже одна известная актриса из нашего сериала слегка задержала шаг, думая, что цветы предназначаются ей.

Я на минуту остановилась, мне надо было собраться с мыслями и унять бешеный ритм моего сердца. Каждый раз, когда я вижу Глеба, мое сердце готово оставить меня и выпрыгнуть из груди. Неужели так будет всегда?

Мы снова поехали в гостиницу, из которой был виден Финский залив. Глеб достал из своей сумки бутылку шампанского. На мой протест, что теперь, в моем положении, алкоголь мне уж точно противопоказан, Глеб сказал, что за такое событие просто необходимо выпить. Не каждый день узнаешь, что станешь папой. Он налил мне немного, полбокала, и произнес очень красивые слова, желая мне и малышу здоровья.

Я зачарованно смотрела на трогательные ниточки пузырьков, не решаясь пить.

– Ну, что ты, Таня, за это просто необходимо выпить!

– Я никогда не пила шампанское, оно оказывается такое красивое, хочется смотреть и любоваться им.

– Это всего лишь легкий алкоголь и его надо пить, а не смотреть, – немного раздраженно сказал Глеб.

Я осторожно сделала глоток, потом еще... Ах, как же здорово меня закружило, словно в колыбели. Бережно раскачивая из стороны в сторону.

– Тебе хорошо, Таня? Хочешь еще? – Надо мной склонился Глеб, глядя на меня очень внимательно.

«Ну, да, теперь ему надо относиться ко мне бережно, заботливо», – вспомнила я.

– Хочу еще, и танцевать хочу, кружиться с тобой.

Он налил мне еще, мы чокнулись и выпили вместе. И потом я стала кружиться и смеяться, мне и в самом деле было весело, счастье переполняло меня. И что рядом Глеб, и что он приехал ко мне сразу, как только узнал о ребенке, чтобы разделить радость. Бросил свою английскую королеву. А Виктория плохая, даже не вышла ко мне сегодня и котов не выпустила. Мне стало так обидно, что я заплакала.

Глеб неподвижно сидел в углу комнаты и снимал меня на маленькую камеру. Как я танцую, смеюсь и плачу.

– Зачем это? – удивилась я.

– Хочу запомнить тебя. Когда тебя не будет рядом со мной, я буду смотреть это видео и вспоминать.

– Какой же ты необыкновенный! Какое счастье, что мы встретились!

Это было последнее, что я запомнила. Утром Глеб подвез меня на работу, попросил, чтобы я берегла себя и ни о чем не волновалась. Я попыталась прижаться к нему и поцеловать на прощанье, но он немного скованно пожал мои плечи, сухо чмокнул в лоб и пообещал приехать, как только сможет.

– Опять оставил вас одну? – ко мне неслышно подошел Андрей.

– У него такая работа, – вздохнула я. – Никогда не знает, когда сможет выбраться. А я всегда его жду, каждый день, каждую минуту.

– Повезло ему, – вздохнул Андрей.

– Мне повезло больше.

* * *

Вечером после работы я вошла в квартиру, собираясь все рассказать Виктории. Я даже торт купила ее любимым, чтобы обстановка была торжественной. Виктория всегда говорила, что торжество обстановки создает именно торт. Она не признавала множество вафельных эрзацев. Торт должен быть бисквитным и обязательно с кремовыми розами. Именно такой я и держала в руках.

Под ноги шмыгнули коты, а из комнаты Виктории слышались громкие голоса.

«Неужели сегодня покер? Однако он затянулся. До позднего вечера девчонки обычно не засиживались».

Я медленно сняла плащ, жара сменилась более привычной питерской прохладой с моросящим внесезонным дождиком.

– Ты добилась своего, Лида! Только знай, калечить ей жизнь я не позволю.

– А то что? – узнала я голос своей потенциальной свекрови.

– Мы перестанем с тобой общаться! Ни я, ни Натка, ни...

– Ох, как же ты меня напугала! Да я, ради счастья своего мальчика сама готова стать изгоем, принять постриг, уйти в монастырь или в склеп. Я не знаю, что нужно сделать, чтобы ему было хорошо. Впрочем, тебе этого не понять, Вика.

– Лида, лучше уходи, пока мы не наговорили друг другу такого, что не сможем простить. Но я тебе обещаю, девочку в обиду не дам. Ничего у вас не получится!

«Интересно, о какой девочке речь, за кого собралась воевать моя Виктория?» – мне стало интересно.

Дверь комнаты распахнулась и на меня буквально налетела Лидия Николаевна.

– Здрасьте, давайте пить чай, у меня торт для такого случая, – начала я, но Лидия, не дослушав меня, торопливо покинула наше жилище. – Что это с ней? – обратилась я к подруге.

– Лидия решила, что может владеть миром. – Дали мне довольно странное пояснение.

– А за какую девочку вы решили вступить? – не унималась я.

– Ты давно тут стоишь? – вдруг забеспокоилась Виктория.

– Только пришла, даже подумала, что у вас сегодня покер, а меня забыли предупредить.

– Предупредишь тебя, как же! Пропадаешь неизвестно где... – забурчала моя соседка.

– Не сердитесь, у меня уважительная причина, сейчас я вам все расскажу, только поставлю чайник.

Мы долго с ней засиделись в тот вечер. Я рассказала ей все, но радостного отклика тоже не встретила. Виктория только грустно смотрела на меня, подперев ладонью морщинистую щеку.

– Ну, почему у всех такой грустный вид? – не выдержала я. – Ладно, Лидию Николаевну не обрадовала эта новость. Это я еще могу понять, но вы, почему не радуетесь? Бойтесь, что малыш будет вам мешать отдыхать? А хотите, я обменяю свою комнату и уеду от вас в другую квартиру? Хотя, мне кажется, что Глеб обязательно должен забрать нас к себе, если ему не помешают обстоятельства.

– Тань, ну разве можно рожать от первого встречного? Ты же не знаешь его совсем!

– Знаю, мне кажется, всю жизнь я знала, что он есть на свете. И поэтому так долго ни в кого не влюблялась. Его и ждала. А вы лучше расскажите мне, какой Глеб был маленький? Мне так хотелось расспросить об этом его родителей, но они тоже, кажется, не обрадовались моей новости, даже чай пить не оставили.

– Все образуется, девочка, – вздохнула Виктория. – А Глеб... – она задумалась. – В детстве он был очень тихим. Когда мы собирались вместе, ну, выпивали бывало, потом начинали судачить о своем, о женском и всегда забывали о нем. А он пристроится в уголок, за подушку какую спрячется и ни видно его, ни слышно. Мальчик – с пальчик, да и только. Ему всегда больше нравилось наше женское общество. Николай часто на него обижался, когда Глеб отказывался идти с ним на рыбалку или мастерить что – то в его гараже.

Лидия любила его наряжать во всякие костюмчики и непременно надевала ему на голову берет. И такой он был славный, хорошенький кукленок. Глазки черненькие, умные. В школу пошел – на пятерки учился, Лидка на него нарадоваться не могла. Хвасталась, конечно, особенно перед Аней нашей. Их дети – ровесники. Анютина Варвара – беда девка была. Ох, и давала же она жару! Никому мало не казалось. Училась по желанию: сегодня захочу – на пятерку отвечу, а на завтра уже настроения нет. А в старших классах еще хуже стала. Сплошные амуры, шуры – муры. Из дома несколько раз убегала, с милицией искали.

– А сейчас? – спросила я больше из вежливости. Мне не очень интересно было слушать про незнакомую Варвару. Я хотела говорить только о Глебе.

– Сейчас наша Варька живет на земле. Разводит овец, редкой породы. Из них шерсть хорошая получается. Не сама, конечно, дошла до жизни такой. Вышла замуж за солидного человека, он ее с приданным взял – Юркой – шалопаем. На семнадцать лет он ее старше, но Анна до того с ней намучалась, что готова была будущему зятю еще и заплатить, только чтобы он дочку ее замуж взял. Ты даже не представляешь, какой Варвара примерной женой стала. И готовит, и хозяйство ведет, и в овцах своих стала разбираться, на выставки их возит. И дочку своему мужу родила.

– А почему Глеб уехал так далеко? – бестактно перебила я рассказ о счастливой Варваре.

– А ты у него не спрашивала? Порядки наши ему не нравились, жизни красивой захотел. Уж как Лидия его отговаривала...

– И Николай Семенович, по – моему, до сих пор на Глеба обижен. У них такие натянутые отношения.

– Ой, про Колю мне даже думать больно, как вспомню.

* * *

Прошло лето, и осень закончилась, от Глеба не поступало никаких вестей. Пару раз я даже навевывалась к его родителям, в надежде что – нибудь услышать о нем. Но встречали меня по – прежнему холодно, о Глебе они ничего не знали или просто не хотели мне говорить.

Началась зима, город заметало снегом, было холодно и неуютно. Повсюду приходилось перелезть через грязные сугробы. Мы с Викторией с радостью ждали появления малыша. С каждой своей зарплаты я обязательно покупала смешные детские вещички, и мы с ней подолгу их разглядывали вечерами. Однажды к нам приехала Анна Львовна, она привезла ярко – красную коляску, маленькое трогательное одеяльце и замечательный комбинезон.

– Вот, внучка выросла, Варваре уже вроде, как не надо. И мы решили тебе, Танюша, отдать.

Я расплакалась, так меня поразила эта строгая, всегда неулыбчивая женщина. А тут столько подарков. Было только немного обидно, что от Лидии я за все время не услышала ни одного теплого слова.

Виктория вспоминала свои давно забытые навыки рукоделия и старательно вязала маленькие шапочки и носочки.

Иногда, по – вечерам приходила Натка и они вдвоем с Викторией прогуливали меня, бережно поддерживая под руки. Надо сказать, что живота у меня видно не было, и неповоротливой беременной самкой я себя вовсе не ощущала. Мне было немного неловко перед моими дорогими подругами за ту заботу, которой они меня окружили, и я покорно позволяла себя гулять.

Подруги ужасно обрадовались, когда узнали, что у меня должна родиться девочка.

– Нашего полку прибавление! – Больше всех радовалась Натка. – Научим ее в бридж играть, с мужчинами флиртовать. Эх, и интересно девочек растить. Они тоньше, понимают гораздо больше мужчин, с ними можно обо всем договориться. А уж как приятно их наряжать! Танюша, обещай мне одну вещь: ты обязательно будешь доверять мне нянчиться с нашей малышкой.

* * *

В двадцатых числах декабря Виктория решила, что в нашем доме обязательно должна стоять настоящая елка.

– Пойми, Танюша, елка – это символ новой жизни! К тому же она своими фитонцидами оздоравливает воздух в помещении, я по – телевизору что – то подобное слышала. А вам с малышкой это просто необходимо.

– Виктория Осиповна, но ребенок должен родиться только в конце января. Мы же не сможем так долго держать живую елку в доме. Она осыпаться начнет. – Что – то тревожно мне становилось при мысли о елке.

– Поставим в воду, и сможет простоять до восьмого марта, – Виктория была настроена решительно.

Мне оставалось только согласиться.

* * *

На работе все очень удивились, когда я принесла в отдел кадров справку о беременности. Критично разглядывали мою фигуру, недоверчиво качали головами.

– Ну, и тихоня ты, Глазкова! Ничего никому не сказала. Что и свадьба была? – То ли с завистью, то ли с неприязнью пыталась меня наша Ниночка – симпатичная блондинка – ассистент по актерам.

Нина поставила себе цель: найти мужа из актерской среды – молодого, перспективного, сделать из него мировую знаменитость, чтобы он с большим обожанием рассказывал в своих интервью, как ему всю жизнь помогала его ненаглядная супруга.

Будущий муж должен был быть незаурядной внешности, типа Бельмондо или Жана Габена, только ни в коем случае не красавец. Все красавцы избалованы и инфантильны, на них больше обращают внимание женщины, а Нина планировала не изводить мужа ревностью, а давать повод сама. С ее – то внешностью!

Но странное дело – малопривлекательные актеры, с точки зрения Нины, были почти все женаты, а красавцы – на Нину не обращали никакого внимания. А годы шли, и Нина очень ревностно относилась к чужим изменениям семейного положения.

– Нет, свадьбы не было. Пока! – торопливо уточнила я.

– Понятно! – радостно выдохнула Ниночка. – Надежда умирает последней. Он хоть актер?

– Нет.

– Режиссер? – снова насторожилась сотрудница.

Режиссеры – это была белая кость. Элита! На таких наши девчонки даже не заглядывались. Куда до них простым костюмершам и ассистентам!

– Нет, девочки, он никакого отношения к миру искусства не имеет. Но его профессию я назвать не могу. Это секрет.

– Детский сад, – восхищенно глядя на меня, пробормотала Нина. – Еще скажи, что он космонавт или разведчик!

– Ну, почти! Ладно, счастливо вам оставаться. Я еще обязательно зайду проститься.

– Приходи, Танюша, мы всегда рады тебя видеть. Удачи тебе, – зашебетали другие тетki из отдела кадров.

Я неторопливо прогуливалась по Петроградке, не уставая любоваться ее великолепными домами. Строгими и такими прекрасными. Каждый дом тут был историей, каждый, со своим характером, звучанием, а вместе это называлось архитектурным ансамблем.

Я тихонько рассказывала своей малышке, какой красивый город будет у нее в приданном, как прекрасна наша жизнь, какой замечательный у нее папа. Мне нравилось с ней разговаривать, нравились эти толчки внутри меня, словно моя девочка соглашалась со мной во всем.

Наверное, Глеб тоже считает денечки, чтобы увидеться с нами. Думаю, Лидия сказала ему, что должна родиться девочка? Интересно, как он к этому отнесся? Обрадовался или огорчился? Может, как большинство мужчин, мечтал о сыне? Пусть не расстраивается, рожу я ему еще сына. Только бы он скорей вернулся из своего секретного задания!

Легкие снежинки тихо падали на землю; город успел надеть свои новогодние наряды, расставить большие елки, зажечь разноцветную иллюминацию, даже сугробы немного привели себя в порядок, припорошились свежим снежком. Приближались праздники.

Мы с Викторией решили, что на Новый год обязательно пригласим к себе в гости Наталью Сергеевну. Старушки о чем – то шептались по – телефону, Виктория ходила загадочная.

* * *

Странно, ключ в замке повернулся легко, но дверь, отчего – то не открывалась. Я попробовала надавить сильнее, потом еще сильнее. Поддавшись моим усилиям, дверь стала приот-

крываться. Я кряхтела и звала Викторию. На мои крики выглянул сосед – здоровый детина в голубом спортивном костюме. Быстро оценив ситуацию, он тихо отодвинул меня в сторонку, и легко толкнув злополучную дверь, первым вошел в квартиру.

На полу в прихожей лежала Виктория на ней сверху покоилась большая елка.

– Господи, опять эти елки! Ненавижу! – простонала я.

Я неуклюже стала поднимать елку, освобождая свою подругу, (она, к счастью, была жива) потом попыталась придать хрипящей Виктории сидячее положение.

– Надо скорую, пожалуйста, – бормотала я.

Я все суежилась, пока не почувствовала острую боль внизу живота. По ногам моим заструилась горячая жидкость, в глазах стало темнеть.

– Надо две скорых, – попросила я, у изумленно глядящего на нас соседа. – Только скорее! Я сейчас буду рожать.

* * *

Новогодние праздники мы провели с моей подругой в больнице при медицинском институте, только в разных отделениях. Меня увезли в родильное, а Викторию – в терапию.

Моя маленькая девочка лежала под большим прозрачным колпаком, и я старалась не отходить от нее. Она все время спала, подтянув крошечные ножки под свой животик. И я никак не могла рассмотреть цвет ее глаз. Темные волосики выбивались из – под белого колпачка. Я не могла оторвать от нее глаз, наполняясь такой абсолютной любовью, таким счастьем.

Иногда к нам заглядывала Натка и мы с ней шли к нашей подруге, такой несчастной и беспомощной. Она лежала одна в палате, остальные четыре железные койки сиротливо щетинились панцирными сетками. Молодым медсестрам было не до нее, они весело обсуждали прошедшие вечеринки. И вахту у кровати больной доблестно несли Наталья Сергеевна с Анной Львовной.

– Оправится Викуля. И не в таких передрыгах бывали, – бодро хрипела Натка. – Подумаешь, инсульт. Доктор сказал: «Очень вовремя доставили. Еще немного и могло бы парализовать, но вы успели». И мы ей уход обеспечим. Старая гвардия не сдастся!

* * *

Через две недели я вышла на улицу, держа в своих руках маленький сверток с огромным счастьем. В то утро многих женщин встречали у входа в отделение веселые родственники и друзья. Я покрутила головой в надежде, что Глебу сообщили о рождении дочки, и он стоит в шумной толпе встречающих, но, ни одного знакомого лица я не обнаружила и немного взгрустнув, двинулась на улицу Льва Толстого, в надежде поймать такси.

Рядом со мной остановилась машина, из нее высунулся сначала большой плюшевый заяц, а потом... Андрей.

– Ой, как я вовремя! – обрадовался он. – Прошу в машину. А это вам. – Он протягивал мне своего зайца, который был намного больше моего теплого живого свертка.

– Как вы узнали, что нас сегодня выписывают?

– Вы даже не представляете, какой на съемочной площадке был конкурс вашей встречи! – Весело начал он, – но победил я с большим отрывом. Садитесь, Таня, скорее, а то малышка замерзнет.

* * *

Дни наши с дочкой протекали спокойно и размеренно, строго по режиму, который так необходим для развития маленького человека. Мы ложились спать, просыпались, кушали,

гуляли и узнавали друг друга. Дочурка очень внимательно рассматривала меня, трогала своими крошечными пальчиками мои волосы, улыбалась своим маленьким мыслям. А я каждый раз смотрела на нее с замиранием сердца, наслаждаясь своим собственным чудом.

В квартире мы оставались вдвоем, Викторией предложили поехать в санаторий. Я скучала по ней, мне очень хотелось, чтобы она радовалась вместе со мной, глядя, как растет и меняется наша девочка. Каждый день приносил нам что – то новое, дочка росла с каждым мгновением.

Я не переставала думать о Глебе, представляя нашу встречу: как он будет разглядывать дочку, целовать ее ручки, трогать темные волосики. Все это время я не давала девочке имени, мне хотелось, чтобы мы сделали это вместе.

Глеб появился, как всегда неожиданно. Мы возвращались с прогулки, день был по – питерски промозглым и хмурым, но я старалась вывозить свое чудо каждый день, чтобы малышка росла и закалялась на наших северных ветрах.

Он стоял рядом с парадным с букетом и множеством свертков; завидев нас, Глеб быстрым шагом пошел нам навстречу. А я остановилась, не в силах сделать ни одного движения. Он заглянул в коляску, осторожно взял на руки спящую малышку, сунув мне в руки букет.

А мое сердце сжималось от радости, видя эту картину.

Дома Глеб не мог наглядеться на дочку, глаза его светились такой радостью и торжеством, что спрашивать – счастлив ли он, что родилась дочь – не было никакой необходимости. Все было ясно без слов.

– Давай знакомиться, – предложил счастливый отец. – Как тебя звать, принцесса?

– У нее еще нет имени, Глеб. Я хотела назвать ее вместе с тобой, понимаешь?

– Это просто замечательно, что у девочки еще нет имени. Я тебе очень благодарен, Таня! – обрадовался Глеб.

Целый день он провел с нами. Кормил дочку, интересовался: что она ест, когда гуляет, купается. И почему – то очень обрадовался, когда узнал, что молока у меня почти нет, и кушает дочка молочные смеси. Мы вместе вышли погулять и Глеб с большой осторожностью катил перед собой коляску, а я шла рядом и не могла поверить в свое счастье. Теперь я была абсолютно уверена, что все у нас обязательно будет так, как виделось мне в мечтах о будущей семейной жизни.

А вечером, когда он искупал дочку в маленькой ванночке и уложил спать, спев ей песенку на английском языке, Глеб предложил отметить наше первое и очень важное событие глотком шампанского.

– Глеб, я не буду пить, ты же знаешь, что бывает со мной после спиртных напитков, – робко отнекивалась я. – Я хочу насладиться тобой, запомнить тебя и нашу встречу, чтобы вспоминать каждую секунточку, проведенную рядом с тобой, когда ты снова уедешь на свои задания. Или мы больше не будем расставаться так надолго? У нас же теперь настоящая семья!

– Танюша, не бойся, я не собираюсь тебя спаивать. К тому же организм женщины здорово меняется после родов, можем проверить эту гипотезу. Смотри, что я для тебя привез.

Он стал вынимать из пакетов упаковки с сырами и дорогой ветчиной, конфеты, розовые грозди винограда, оранжевые веселые мандарины и, наконец, на столе появилась бутылка шампанского.

– Ну, смотри, как все это красиво и необычайно вкусно! – промурлыкал Глеб и кошачьей походкой стал приближаться ко мне, пристально глядя своими сумасшедшими глазами.

Два шоколадных омота поглотили меня целиком, парализовав мою волю. Я осторожно взяла протянутый мне бокал, в котором тонкой струйкой поднимались крошечные пузырьки. Глеб с тихим звоном коснулся его своим и слегка подняв, прошептал:

– За счастье и за новую жизнь!

Потом он стал медленно снимать с меня мой растянутый свитер, застиранный лифчик. Горячие волны накрывали меня с головой, я чувствовала его руки на своем теле, отвечала на

его поцелуй. Потом мы вновь выпили чудесного шампанского, и Глеб протянул мне виноградную ягоду.

– Какая я счастливая, – шептала я, кружась голой по комнате.

Малышка заплакала, и я быстро взяла ее на руки, прижав к себе и продолжая кружиться.

Глеб смотрел на нас и смеялся, держа в руке свою маленькую камеру.

– Не снимай, – стыдливо прикрылась я дочкой. – Это не красиво. И потом, я не собираюсь больше тебя отпускать. Ты теперь всегда будешь с нами, так должно быть! И так будет! – Шутливо топнула я ногой.

Глеб взял ребенка на руки, уложил на кровать меня, накрыв с головой одеялом, и я погрузилась в сон.

– Засыпаю в старой жизни, просыпаюсь в новой, – счастливо пробормотала я детскую присказку.

Глава четвертая

Впервые за два месяца я выспалась. Я почувствовала это даже раньше, чем окончательно проснулась. Приоткрыв один глаз, я заметила маленький солнечный лучик на обоях. Это был тот счастливый миг, когда солнце, отразившись в окнах соседнего дома, заглядывало в мою комнату.

«К счастью», – улыbnулась я.

Я приподняла голову, чтобы увидеть дочку, но ее кровать была пуста. «Наверное, это Глеб унес ее из комнаты, давая мне поспать. Господи, какой он заботливый! Сейчас встану и приготовлю ему завтрак, как настоящая любящая жена».

Я поднялась и пошла, искать свою семью. Но квартира была пуста. Их не было ни на кухне, ни в ванной. Я даже заглянула в комнату Виктории Осиповны, которая стояла открытой.

«Может, Глеб пошел с дочкой гулять? – строила я догадки. – Но тогда почему они не взяли коляску?»

Коляска стояла на своем месте, рядом с входной дверью.

Легкая тревога закрадывалась в сердце, начинала волновать. Я еще раз обошла всю квартиру, заглянула в нашу комнату, проверила детские вещички. Они все были на своих местах. Не хватало только комбинезона, который подарила нам Анна Львовна.

«Значит, они все – таки гуляют, – у меня вырвался вздох облегчения. – Ему просто захотелось прогуляться, держа дочку на руках. Интересно, когда он собирается уехать? Я вчера так его и не спросила».

Занявшись домашней работой – помыв полы во всей квартире, вскипятив чайник и поставив тесто на оладьи, в завершении даже вымыв голову, я все время прислушивалась – не раздастся ли звонок в дверь.

В комнате я еще раз переложила пеленки и несколько ползунков дочурки, мне очень хотелось, чтобы Глеб заметил, какая я замечательная хозяйка, как у меня все аккуратно. Коробку с конфетами и пустую бутылку шампанского я вынесла на кухню и тут только заметила на подоконнике две пачки долларов.

Я тяжело опустилась на кровать, продолжая разглядывать иностранные деньги. Что – то нехорошее творилось в душе, страх нарастал с каждой минутой. Я огляделась, но не обнаружила в комнате никаких вещей Глеба – они исчезли вместе с ним и нашей маленькой дочкой.

На ватных ногах я дошла до комода, в верхнем ящике которого лежала справка о выписке из родильного дома. Ящик был пуст, точнее там лежал мой паспорт и еще не столь важные документы. Не хватало одной только справки.

Не понимая до конца, что происходит и что мне надо делать, я заметалась по квартире. Надев на ночную рубашку пальто, нацепив старые сапоги на босые ноги и прихватив сумку, в которую положила две зеленых пачки денег, я решительно вышла из квартиры.

На лестничной площадке стоял хмурый сутулый парень в грязной куртке, при виде меня он вздрогнул и сделал шаг назад, чуть не покотившись с лестницы.

– Осторожней! – крикнула я.

– Тань, все нормально! – назвал он меня по имени.

– А мы разве знакомы?

– Ты меня не узнаешь, сестра?

– Господи, Ваня, неужели это ты? Что с тобой случилось и почему ты в Питере?

От бывшего ухоженного мальчика со стильной стрижкой и пухлыми щеками – ничего не осталось. У Вани был изможденный вид – серое лицо, огромные синяки под тусклыми глазами, грязные взъерошенные волосы. Шея стала худая, длинная красная, с выпирающим кадыком,

как у молодого индюшонка. Одежда грязная и явно с чужого плеча. Мне страшно было на него смотреть.

– А где же мне быть, я тут типа учусь! – пожал плечами брат.

– Вань, но вы – же продали квартиру и уехали в Волгоград? Я заезжала, там чужие люди живут.

– Не твое дело, – еще больше нахмурился брат. – Слышь, Тань, дай чегонибудь поесть лучше, а то я сейчас умру от голода.

– Ванька, а у меня, кажется, беда. Похоже, что у меня дочку украли. – Сказала я, пропуская его в квартиру.

– Как это дочку украли? – искренне удивился Иван. – У тебя, что, дочка была?

– Была, совсем маленькая. Я ее два месяца назад родила, – заплакала я в голос.

Ванька топтался у двери и непонимающе смотрел на меня.

– И че теперь делать? Украли то с целью выкупа?

– Какого выкупа? – устало проговорила я. – Мне, похоже, еще денег дали, вон, смотри, – и я показала брату две зеленые пачки.

– Ух, ты! Это реальное бабло! – Ванька протянул к деньгам худые красные руки с грязными ногтями.

– Не трогай! Я их хочу вернуть, мне только дочурка нужна, а он пусть улетает на свои секретные операции.

– Куда? – не понял брат.

– Да агент он секретный. Все время летает по миру.

– А! Ну-ну, – хмыкнул Иван. – Это ты нашей маме будешь рассказывать.

Я пропустила мимо ушей Ванькино замечание, в моей горячей голове появился план, как нам вернуть мою девочку.

– Вань, ты мне поможешь, верно? – я достала из холодильника все, что можно было считать едой, и торопливо нарезала на тарелку сыр, колбасу, делала бутерброды с маслом, поставила на огонь воду дляпельменей, на старой сковородке уже жарилась первая партия оладий.

Ванька торопливо ел все, что попадалось ему под грязные руки.

– Вань, нам надо поехать к его родителям и устроить там шум. Пусть вернут мне дочку. Лидия боится скандалов, да и ребенку она, вроде, не рада. А больше пойти ему некуда. Я отдам им деньги, а они пусть отдадут малышку. Господи, да и зачем ему вообще понадобилась моя девочка? Он же все время в командировках, а кто будет с ней? Ты поедешь со мной, ладно? Ты бы видел, какая она красавица! – засмеялась я сквозь слезы, радуясь, что нашла такое простое решение.

Брат продолжал поглощать еду, не поднимая от тарелки глаз.

– Вань, что ты молчишь? Мне нужна твоя помощь!

– Далеко надо ехать? – деловым тоном осведомился брат.

– За город. Во Всеволожск. Его родители там все время проживают. За три часа должны обернуться. Ты же не торопишься?

– Да есть у меня пара дел, но что не сделаешь для родной сестры. Надо, значит надо! – Ванька сыто откинулся на стуле, глядя на меня осоловевшими глазами.

– Если ты наелся, то поехали, время очень важно!

* * *

В электричке Ванька все время засыпал, роняя голову мне на плечо, и еще теснее прижимаясь своим худым боком, словно искал защиты. А мне вдруг стало удивительно спокойно рядом с ним. Я почувствовала голос крови, что ли. Что вот сидит рядом со мной родной мне

человек, мужчина, брат, который способен если не защитить, то хотя бы поддержать меня в трудную минуту.

У меня даже появилась новая идея. Если вдруг окажется, что Глеб с дочкой уже уехал, я не буду отдавать деньги его родителям, а найму на них частного сыщика. Пусть он вернет мою малышку. При воспоминании о ней, на глаза снова наплыли слезы, я торопливо полезла за платком.

– Ты чего? – сонно пробормотал Ванька. – Уже приехали?

– Нет, еще, можешь поспать! Я только платок хотела взять из сумочки.

Поезд медленно подъезжал к станции, пассажиры потянулись к выходу.

– Пойду, покурю в тамбур. Сон пройдет, – вскочил братишка.

Я смотрела на его давно не стриженный затылок и гадала, как же произошло, что мама оставила своего любимца без контроля? Надо будет сейчас все расспросить. А то накинулась на него со своей бедой, а ему самому похоже помощь нужна.

Электричка, выпустив порцию пассажиров, вновь стала набирать скорость. За окном мелькал унылый февральский пейзаж с заснеженными просторами и оголенными перелесками. Кое – где вздымались многоэтажные дома, построенные по гениальным планам градостроительства прямо в чистом поле. К ним сиротливо жалась почерневшие деревянные домики со своими грустными историями.

Но вот замелькали добротные дома престижного когда – то дачного места. Нам тоже пора было выходить. Я прошла в тамбур, там было пусто. Не было Ваньки и в соседнем вагоне. Я беспомощно осмотрелась. Может, он присел на лавочку и вновь уснул? На меня глядело несколько пар равнодушных чужих глаз, Ванькиных среди них не было.

Не понимая, что опять происходит, я вышла из поезда, который как раз подъехал к станции и медленно пошла в сторону дома Глеба. У меня уже не было того героического порыва, не было той уверенности, что все у меня получится. Я расценивала Ванькин поступок, как предательство, перестав на какое – то время думать о своей беде.

«Сбежал, как трусливый пацан. И чего испугался? Зачем вообще за мной потащился, сел в электричку. Сказал бы правду, что не хочет принимать участие в моих проблемах. А может, испугался, что я его буду расспрашивать о его жизни?»

Дом был пуст. Я это сразу поняла по заснеженным нечищеным дорожкам. Белое ровное покрывало нетронутым слоем лежало на всем участке – на старой лавочке и мелких кустиках, на подъездной дороге к гаражу.

Я смотрела на эту белоснежность и не знала, куда мне идти дальше. Прижавшись лбом к холодным прутьям ограды, я молила Бога, чтобы поднялись сейчас тяжелые ворота гаража и мне навстречу вышел Глеб с моей дочкой на руках. Он бы отдал ее мне со словами: «Прости, Таня, я только хотел показать нашу девочку своим родителям. Чтобы они увидели, какая она красавица!» И я бы смеялась от счастья, что мы снова все вместе.

Слезы текли и текли по моим щекам, мне уже было нечем дышать, я захлебывалась ими и судорожно всхлипывала. Но ворота все не поднимались.

Оторвав, наконец, себя от калитки, я побрела по заснеженной аллее, не зная, куда мне идти, где искать дочку. Что произошло, в конце концов, и почему Глеб так поступил? Или, может, я себе все напридумывала, и их таинственное исчезновение объясняется просто. Но как просто? Как? Я шла и от отчаяния тихо поскуливала, так мне было легче вынести свою боль.

Навстречу мне шла молодая мама, катя перед собой широкую яркую коляску. На женщине вся одежда была белого цвета: шубка, вязаная шапочка, пушистые рукавицы и даже сапожки. Она больше была похожа на Снегурочку или сказочную принцессу, я остановилась не в силах оторвать взгляд от такой красоты. Что – то неуловимо знакомое было в этой молодой маме. И гордая прямая осанка, и улыбчивое лицо с румяными щечками и неповторимые зеленые глаза. Такие глаза были только у одного человека в мире – у моей подруги детства.

– Наденька, милая, неужели это ты? – слезы моего горя еще не высохли, а им на смену уже наворачивались слезы счастья. Как же все перемешано в нашей жизни!

– Танюша?! – Надя остановилась, не отрывая от меня глаз.

Мы стояли с ней, тесно обнявшись на узкой заснеженной улице старого дачного поселка. Слова сейчас были не нужны, наши объятия говорили все за себя. И как мы скучали, и как нам не хватало друг друга, и что теперь мы вместе.

Господи, ну почему в жизни не бывает полного счастья? Я потеряла дочь и нашла подругу. Почему нельзя все вместе?

* * *

– Танюшка, ты только не отчаивайся! Сейчас придет Федор и обязательно даст мудрый совет. Он у меня знаешь, какой умный! Я только боюсь, что сама разучусь думать, так и буду только его умом жить. – Успокаивала меня Надя на своей кухне, после того, как я поведала ей свою грустную историю.

Точнее, кухня была ее свекрови, где проживала моя подруга со своим семейством. Я все никак не могла до конца поверить, что моя Надюша нашлась, да еще и стала мамой двух изумительных мальчиков.

– Мы тут всего неделю живем. Дом достраиваем, квартиру пришлось продать, сами бы мы и так там могли прожить, но не везти – же мальчишек в пахнувшие краской комнаты. Там еще рабочие свои недоделки устраняют. Вот свекровь и предложила пока у нее на даче пожить. Мама сейчас гриппует.

О себе Надежда говорила неохотно.

– Вот она – моя жизнь, – показывала она на двух одинаковых бутузов, которые сосредоточенно сосали теплое молоко из бутылочек. – Это долгая история, как я пришла к своему счастью, я тебе потом все расскажу, сейчас главное – найти твою малышку.

Федор появился, когда мы с Надей искупали мальчиков и, одев их в пижамки, уложили спать.

– Прости, Наденька, пришлось задержаться.

В дверях стоял полнеющий, лысеющий мужчина с небольшими глазами и пухлым детским ртом. Дорогой костюм сидел на нем мешковато, а на ярком галстуке красовалось большое пятно.

Я с недоумением рассматривала Надиного мужа. Этот представитель мужского рода был абсолютной противоположностью всех ее симпатий и увлечений. «Как же ему удалось завоевать сердце моей разборчивой подруги?»

– Федя, ну ты разоришь нас на своих галстуках! – всплеснула руками Надя, подбегая к мужу. – Этот же был запасной! Значит и первый испачкал?

– Нет, моя милая, тот я только облил водой. Он должен высохнуть и все с ним будет хорошо. Ты не переживай!

– Еще не факт, что будет хорошо, – вздохнула Надя. – Ой, я вас не познакомила! Федя, это – Таня, моя самая ближайшая и любимейшая подруга, я тебе про нее рассказывала, а это – Федор – мой замечательный муж и гениальный адвокат. Кстати, Федя, нам нужна помощь... – и Надежда быстро и точно пересказала мужу мою историю.

– Надо в милицию обязательно заявление написать, я помогу его составить. Но чтобы не терять времени, я бы посоветовал обратиться к частному сыщику. У меня есть один хороший знакомый.

– Он дорогой? – уточнила Надюша.

– А у меня же есть деньги! – Обрадовалась я. – Правда, мне их Глеб оставил, и я бы хотела ему их вернуть, но сейчас я готова нанять частного сыщика за любую цену. – Я торопливо стала

извлекать из своей сумки разные женские мелочи, которые люблю носить с собой на всякий случай, но объемного пакета с долларами в ней не было. – Как же так, куда они подевались? – удивлялась я. – Я же никуда не заходила – сошла с электрички и пешком к дому Глеба дошла.

И тут меня обожгла горячая волна, я даже задохнулась и закашляла. Ноги мои не смогли удержать отяжелевшего тела, и я плюхнулась на детский стульчик.

– Мне, кажется, я знаю, у кого эти деньги, – прошептала я.

Теперь стала понятна внезапная нежность Ивана, и почему он исчез из электрички.

* * *

– Надя, я же впервые полюбила. И именно так, как мечтала еще в нашем далеком детстве. И все было как в моих мечтах, как и должно, было быть. Я даже на других мужчин смотреть не могла, я их просто не воспринимала. Для меня только один Глеб во всем мире существовал. Для него я готова была все на свете сделать.

– Похоже, он это тоже понял, Танечка. Вот и использовал тебя на всю катушку. Ты уж прости меня за такую правду. А то, что ты чувствовала, это страсть была, а не любовь.

– А разве это не одно и то же? Мне всегда казалось, что любовь и страсть неразделимы.

– Страсть разрушает, Тань, она опасна и для тебя и для окружающих. Человек, когда он одержим страстями, становится беззащитным, душа его обнажена, понимаешь, а голова, словно в тумане? Не хотела бы я пережить все это вновь, – тихо добавила Надежда.

– Не знаю, мне не с чем сравнить. Я любовь именно такой и представляла.

– Любовь – это, как подарок. На душе светло и покойно и ты растворяешься в своем чувстве и уверена в своем любимом. Знаешь, что он всегда будет рядом с тобой, сумеет защитить, и пожалеть, и всегда будет смотреть на тебя с восхищением и любовью, чтобы с тобой ни случилось. А вообще, любовь, конечно, разная бывает и не только между мужчиной и женщиной. Мне кажется, любовь это и есть проявление нашей жизни и ее главный смысл. Надо жить и любить все, что тебя окружает.

Не знаю почему, но мне показалось, что Надя пытается мне что – то рассказать о своей жизни.

Мы тихо шли по белой аллее к станции, как в юности говорили о любви, только теперь перед нами в голубой коляске лежали и сладко посапывали два маленьких курносых носа

Эту ночь я провела на даче на старом скрипучем диване, но спала, как – ни странно, крепким сном. Мне даже ничего не снилось. И в первую секунду после пробуждения я не сразу сообразила – почему так болит моя душа. Но потом проснувшись память все расставила по своим местам, и мне стало так больно, словно меня избили, и все тело и душа у меня превратились в один сплошной синяк.

** *

Домой идти не хотелось, было страшно оказаться в тишине квартиры, вновь ощутить свое одиночество. Надежда уговаривала меня погостить у них, но мне не хотелось отравлять их светлый семейный мир своими горестями. Мы договорились, что я буду часто к ним приезжать. Федор дал мне свою визитку и обещал оказывать всяческую помощь в моем деле.

Григ с Шопеном, подняв пушистые хвосты, выбежали мне навстречу.

– Мальчики, простите меня, я совсем про вас забыла. Столько всего произошло за эти сутки. Сейчас я вас чем – нибудь накормлю, мои хорошие. А потом я поеду в санаторий к вашей хозяйке, теперь у меня есть на это время.

– Не стоит, хозяйка сама сбежала к вам из своего санатория.

Из комнаты, широко улыбаясь, вышла Виктория Осиповна. Но едва взглянув на меня, вмиг стала серьезной.

– Недаром душа не на месте была. Что произошло?

– Глеб забрал у меня девочку и я не знаю, где их искать.

– Ох, Лида, Лида, – вздохнула Виктория.

– А при чем здесь она?

– Глебу очень уж хотелось ребеночка, для полного счастья. Усыновить ему никто бы не дал. За границей с усыновлением вообще большие проблемы. Оставалось только одно – родить ребенка в России и увезти в свою Англию. Мы как могли, отговаривали их. Но Лида, ради своего Глебушки, готова была пройти по трупам, отказаться от всего: от своей жизни, от нас, даже от своего Коли. Коля тоже был категорически против этого плана. Глеб, как только они узнали какой он, был его постоянной болью.

– Ничего не понимаю. Виктория Осиповна, объясните мне толком. Что это за коварный план? И почему я ничего про это не знаю.

– Ох, девочка, долгая это история. Виновата я перед тобой. Я же подумала, что Глеб изменился и действительно полюбил тебя, что ты сотворила с ним чудо. И не стала ничего тебе рассказывать. Расстраивать зря. Ты такая счастливая ходила, светила вся. Кто же мог подумать, что все это было ради ребеночка. А я даже на малышку и взглянуть не успела.

– Виктория Осиповна, – взмолилась я, – о чем вы говорите?

– Глеб, Танечка, не совсем обычный мужчина. Он, как бы это тебе сказать, женщинами никогда не интересовался. От этого и в Англию уехал, там им проще жить. Теперь даже свадьбы играют. Только вот против природы все равно не пойдешь. Свадьбы то им разрешили, а вот деток рожать еще не придумали как. Ну, вот тебя Глеб и окрутил, чтобы ты ему ребеночка родила.

– Нет! Да нет же, Виктория Осиповна! Мы полюбили друг друга – я в этом уверена. Не может человек так притворяться!

– Тогда чего ж он ребенка забрал?

– Может, ему угрожали или запугали и он мою девочку спрятал? – цеплялась я за последнюю надежду.

До меня еще слабо доходило все, что сказала мне Виктория. Думать об этом не хотелось. Было противно и страшно, словно я оказалась в водовороте с нечистотами.

– А где сейчас Лидия Николаевна? Я была у них на даче, но там никого нет.

– Не знаю, Танюша. Правда, не знаю. Больше всего на свете, я бы хотела тебе помочь. Прости меня, милая.

– И что мне теперь делать? Куда ехать, где искать? Лидия говорила, что он в Америке, а вы сказали, что Глеб в Англии живет.

– Да мне кажется, что он и Лиде всю правду о себе не говорит.

– Ну, это и понятно. Он же секретный агент, все – таки.

– Господи, с чего ты это взяла? – всплеснула руками Виктория.

– Вы все так загадочно про него говорили, про его жизнь, про внезапные приезды... Вот я и сложила все в своей голове. Разве нет? Ничего я про него не знаю. И, правда, первый встречный.

– Сейчас поднимем все свои полки и будем искать нашу девочку! Не плач, Татьяна!

* * *

Чем больше я узнавала Федора, тем больше понимала Надежду. Федор был умный, решительный мужчина и при этом удивительно заботливый и мягкий. Кажется, он обладает всем набором тех редких качеств, о которых мечтают все женщины мира. Ну, может, кроме внеш-

ности. Но я уже не замечала его расплывшейся фигуры и поблескивающей лысины. Я видела перед собой только настоящего друга, который не просто окружил меня заботой, но оказывает реальную помощь, решая мои проблемы. И я уже почти поверила, что все в моей жизни наладится, и я заживу счастливой жизнью вместе с моей девочкой, с Надей и ее семьей, с Викторией, которая готова заменить моей малышке родную бабушку.

Но однажды Федор сам приехал ко мне домой. Лицо у него было уставшее и грустное. Я сразу поняла, что он принес не радостные вести.

Федор опустился на скамеечку рядом с входной дверью, не проходя дальше в квартиру. Он долго сидел, не поднимая на меня глаз, потом полез в свой портфель из дорогой кожи и долго перебирал в нем бумаги, доставая то одну папку, то другую. Наконец, словно собравшись с мыслями, Федор поднял на меня несчастные глаза и спросил:

– Таня, а как получилось, что вы подписали Глебу все бумаги на вывоз своей малышки за границу? Все бумаги оформлены официально, заверены нотариусом. Кроме того, Глеб предоставил видеосъемки, на которых вы... – Федор замялся, не зная, как тактичнее сказать мне о том, о чем я уже начала догадываться.

– На которых я веду себя не адекватно, и из которых следует, что я не совсем здорова с точки зрения психиатров? – пришла я на помощь другу.

– Ну, да! – выдохнул Федор. – Как все это могло получиться, Танечка?

– Бумаг я Глебу никаких не подписывала. А что касается моего состояния, то... он просто воспользовался. Дело в том, что я абсолютно не могу выносить алкоголь, даже в малых дозах. Однажды Глеб стал свидетелем, что со мной происходит всего от одной выпитой рюмки. И каждый раз при нашей встрече, он уговаривал меня выпить бокал шампанского, ну со всеми вытекающими последствиями. При этом он снимал меня на свою камеру, объясняя это тем, что будет скучать по мне и смотреть эти кадры. Я верила...

– Нотариус опознал, что вы приходили к нему незадолго до родов. Он еще очень удивился, вы производили впечатление счастливой пары.

– Незадолго до родов Глеба в России не было. Он приехал, когда девочке исполнилось два месяца. А до этого мы встречались только в августе. Я могу это подтвердить. Виктория может дать свидетельские показания. – Горячилась я, уже понимая, что вряд ли смогу вернуть дочку.

Федор молчал, и это молчание было самым страшным. Оно было, как смертный приговор, который мне вынесли.

– Он уже уехал? – задала я вопрос, на который знала ответ.

– Да, он с малышкой улетел в Англию.

– И я не смогу никогда ее увидеть?

– Я постараюсь, что –нибудь сделать, Таня. Только это будет долгий процесс.

– А кому он эти пленки передал и зачем? – вдруг спохватилась я.

– Глеб подал заявление о лишении вас родительских прав, – почти шепотом сказал Федор. – Таня, вам надо обязательно взять еще одну справку из роддома, что вы родили девочку в таком то году, такого то числа. И, надеюсь, у вас сохранилась медицинская карта с обследованиями из консультации? Там должно быть заключение психиатра. И, Танечка, мне будет нужна еще одна справка о вашей вменяемости. Вы понимаете? Никто не сможет лишить вас права быть матерью без веских причин. Будем бороться!

* * *

Даже не знаю, как бы я выжила, если бы в моей жизни не появилась Надя с ее семейством? Я с удовольствием помогала ей с близнецами. Они переехали в свой замечательный просторный дом, где было много света, тепла и друзей.

Виктория со своими подругами так и не смогли найти Лидию. Она уехала вместе с Глебом и моей девочкой, оставив свой любимый Питер, друг и несчастного Николая Семеновича. Они бросили его одного в квартире, даже не сообщив ему свой адрес. Просто улетели и все. Старик даже не сразу сообразил, что произошло. А когда понял, то сразу постарел лет на тридцать, опустил, запил. И несколько месяцев не выходил из своего жилища, пока в нем не появилась сердобольная Натка со своей кипучей энергией и желанием помочь всем и каждому.

Они так и стали жить вместе. Натка окружила его такой заботой и любовью, которую старик, похоже, и не испытывал за всю свою жизнь.

Подруги сделали его четвертым членом своей компании, что пошло на пользу всем.

Только приходя в нашу квартиру, Николай Семенович неизменно передо мной извинялся. И смотрел на меня долгим смущенным взглядом, по которому одна я понимала без слов, что все без изменений, новостей нет.

И все, казалось, успокоились, смирились с неизбежностью потери, ведь жизнь продолжается с ее радостями, улыбками, тревогами и слезами, с солнечными днями и грибными дождями. Все идет дальше, меняются, подстраиваются друг к другу или принимают мир таким, какой он есть.

Только во мне образовалась пустота. Она иногда полностью меня поглощала, как черная дыра, и еще немного и от меня бы ничего не осталось, но кто – то открывал для меня свою душу, давая уголок отогреться.

Больше всего давали мне тепла подрастающие близнецы. Не утешая, не зная про мою печаль, в отличие от многих взрослых, они полностью заняли окружающее меня пространство своими пухлыми ладошками, светлыми чубчиками, сопливыми носиками, звонким смехом.

Они впускали меня в свой удивительный мир детства, – принимая в игры, наделяя любимыми игрушками, позволяя читать детские книги, заставляя через силу радоваться жизни.

Но все эти долгие годы я постоянно ощущала запах моей девочки.

Наверное, я тоже старею, потому что стала бояться своих бессонных ночей. Чтобы ни говорили ученые, а спать по восемь часов в сутки вовсе не обязательно, по крайней мере, мне. И Виктория и Надежда, когда я оставалась у них на ночь, очень тревожились из-за моей бессонницы, поэтому я тихо лежала в кровати не решаясь даже включать свет. Лежала и страдала от своих тревожных мыслей. Они не заставляли себя долго ждать, а появлялись практически сразу, как только я делала вид, что собираюсь спать, как большинство нормальных людей.

Тревоги, обиды и горести водили вокруг меня хоромы и не давали вздохнуть или отвлечься на что – то более светлое и безмятежное.

Мне хотелось подумать о Севе, о Славике, о Наде, о ее уютном доме, где мне всегда хорошо; о своей работе, которую я люблю, но все это отодвигалось на второй и даже десятый план. А голову сжимали бесконечные мысли о дочке: как она растет, какая стала, на кого похожа? А еще мне очень хотелось знать – мучает ли совесть Глеба или он воспринимает все как успешную операцию? И даже вспоминала Ваньку – моего непутевого брата.

Тогда, после его исчезновения, я решила позвонить маме и рассказать о нашей встрече. Мама говорила со мной холодно, как и в тот последний день, словно мы расстались только вчера и она до сих пор зла на меня. Она сказала, что про Ванькины дела слушать ничего не желает. У нее теперь другая семья, где она по – настоящему счастлива. Мне и Ване она отдала всю свою душу, молодость и жизнь. Но оказалось, что все это было отдано впустую; мы – неблагодарные дети, не оценили ее жертвенности и теперь ей совершенно безразлично, как мы будем продолжать свое взрослое существование. Она так и сказала – «взрослое существование», абсолютно точно оценив нашу с Ванькой жизнь, не зная всех жутких подробностей.

Она пожелала и мне найти свое настоящее женское счастье, а не цепляться за иллюзию семьи.

Вот такой у нас произошел разговор с мамой. Она даже не спросила, как живет ее обожаемый Ванечка. Просто вымела нас, как мусор, из своей по-настоящему счастливой жизни. Только сказала, что отец наш тоже обрел себя, но каким именно образом произошло это обретение, уточнять не стала.

Глава пятая

В доме тихо начиналось утро. Куда – то процокала коготками Манька, на минуту остановившись у моей двери, словно раздумывая: не заглянуть ли к гостю в комнату?

За ней, скрепя половицами, тяжело прошагал Федор, и вскоре внизу зашумела кофемашина, дразня свежим ароматом моего любимого напитка.

Хлопнула входная дверь и на улице радостно залаял дворовой пес – кавказец Тихон.

Начинался новый день, новый год, новая жизнь.

– ...знаешь, сколько свертков они привезли из магазина, и там должны остаться еще подарки, я точно знаю. Утром всегда под елкой еще подарки лежат, я в кино видел, – авторитетно заявил Славка.

Мимо моей двери протопали близнецы, направляясь за новогодними трофеями. Интересно, сколько игрушек надо обычному ребенку, чтобы почувствовать себя счастливым?

– Танюша, с Новым годом! – ко мне заглянула розовая ото сна Надя. – Все уже проснулись! Посмотри, какая сказка на улице: солнце, снег, небо голубое. Сейчас гулять пойдем.

– Мам, а че под елкой ничего нет? – в комнате появились мальчишки в сопровождении Маньки.

– А что там должно быть? – искренне удивилась Надежда.

Ответом ей было грустное сопение.

– Славка сказал, подарков было очень много, – выступил Сева.

– А, поняла, вы считаете, вам недодали? – уточнили Надя у сыновей.

Те как – то нерешительно кивнули, уже понимая, что они, скорее всего, ошиблись.

– Семейство, все вниз! – ситуацию спас Федор своим радостным криком. – Объявляю праздничное построение!

– Ура! Манька, строимся! Тань, Тань, ты тоже наша семья, вылезай уже, строиться будем!

– А как это? – не поняла я.

– Еще не знаем, – весело крикнули мальчишки, выбегая из комнаты.

А утро было похоже на новогоднюю открытку. Именно так и должен был выглядеть первый день нового года: искрящийся белый снег, голубое небо, синие пушистые елки в отдалении и по дороге резво трусит серая в яблоках лошадка, запряженная в сани.

«Боже мой, а лошадь то здесь, откуда?» – удивилась я.

Мы торопливо одевались, мечтая скорее оказаться на улице. В прихожей задребезжал долгий, резкий звонок.

– Федь, ну когда ты его поменяешь? Такой неприятный у него звук, – нерешительно произнесла Надежда.

Дверь открывать не спешили. Нам было так хорошо в своем мирке, и не хотелось никого больше впускать в него.

– Да это же, наверное, Андрюха! – оживился Федор.

Дверь отворилась, но на пороге стоял незнакомый высокий красавец в длинной дубленке и стильной меховой шапке с лисьим хвостом.

– Здравствуйте, – радостно поздоровался мужчина. – Я решил не откладывать в долгий ящик наше знакомство, а начать его с этого чудесного первого дня года, так сказать с чистого листа.

В руках он держал объемный пакет, откуда виднелись коробки с детским конструктором «Лего» – мечтой всех мальчишек.

Наши парнишки нетерпеливо переминались с ноги на ногу, заглядываясь на очередные подарки.

– Вы, очевидно, ошиблись, – приветливо начал Федор, но взглянув на испуганные Надины глаза, осекся.

– Ну, что вы, ошибки быть не может, – незваный гость стянул с головы свое меховое украшение, и с любовью глядя на мальчиков, присел перед ними на корточки.

– Филипп, прекрати! – выкрикнула Надежда. – Что тебе надо, зачем ты явился? Мальчики, идите с Таней на улицу, лепите снежную бабу, а то снег сейчас растает. – Голос моей подруги звенел, щеки покрылись пунцовым румянцем.

Я выталкивала на улицу оторопевших мальчишек, застегивая им на ходу курточки и не давая опомниться:

– Надо определиться, сколько снежных баб нам нужно: одну большую, или три маленьких?

Пока мальчики размышляли над этой сложной задачей, я тоже пыталась привести в порядок свои мысли. Кто этот незнакомец, и почему наши близнецы так на него похожи? Мне всегда было немного странно, что голубоглазые, светловолосые мальчики абсолютно не похожи на кареглазого Федора, да и на Надю они мало походили. С Надеждой мы эту тему никогда не обсуждали, я любила ее семью и принимала ее такой, какая она была. Федя души не чаял в мальчишках, Надю носил на руках. Чего еще может желать женщина?

– Тань, ну, Таня, мы уже все решили – будем делать одну огромную бабу. Снега хватит.

– А знаете что, давайте сделаем ее на окраине поселка? – Мне хотелось подальше отвести ребят от дома. – Там сделаем большую, а возле дома можно маленькую поставить. План одобряется?

– Одобряется, – ответили мне хором. – Пойдем к дому Андрея, у него снега по – больше.

Мы принялись скатывать снежные шары, мальчишки кряхтели и хихикали, чувствовалось, что они получают удовольствие от возни со снегом. Главной задачей было скатать шар наибольшего диаметра, а я украдкой поглядывала на окна Андрея. Может, он заметит нас и выйдет на помощь? Самое Новогоднее занятие – лепить снежную бабу. Но дом его не подавал признаков жизни, не было видно и Бандита.

Когда три огромных белых шара существенно расчистили территорию от снега, вобрав его в себя, встал вопрос: как водрузить их друг на друга?

– Тут нужен или папа, или подъемный кран. Сами мы не поднимем, – констатировал Славка.

– А зачем мы такие сделали? – логично возразил Севка. – Тань?!

На меня с надеждой смотрели две пары одинаковых голубых глаз.

– Иду за помощью! – кивнула я, и пошла в сторону крайнего дома.

Я несколько раз нажала на кнопку дверного звонка, слышала глухой бой курантов за дверью, но на помощь нам никто не вышел.

– Эх, так хорошо все начиналось, – вздохнули мальчики.

– Ничего, никуда наши шары не денутся, вернемся вместе с Федором, – успокаивала я, хотя самой тоже было немного грустно, да и домой пока идти не хотелось. Мне казалось, что трудный разговор в Надином доме еще не окончен.

Но вскоре я заметила, что в нашу сторону весело приближается знакомая лошадка с санками. Подъехав к нам, она остановилась и странный незнакомец, с улыбкой глядя на мальчиков, пригласил их прокатиться:

– Прошу садиться, господа хорошие! Вас ждет удивительное путешествие по сказочному лесу! Мы поедем в гости к Деду Морозу!

На меня он даже не взглянул, словно меня здесь и не было вовсе. А я не знала, как себя вести. Кто он, о чем они договорились с Надей, можно ли ему доверять и отпустить с ним мальчиков?

– Вы извините, но я не могу вам доверить детей, я вас первый раз вижу и мне бы хотелось, чтобы Надя лично разрешила им поехать с вами! – пискнула я.

На мой монолог не последовало никакой реакции. Вместо этого, незнакомец слегка ударил лошадку кнутом, она заржала и покосилась на нас налитым кровью глазом.

– Эх, конь застоялся, ему бы с ветерком по дорожке проскакать! Садитесь, пассажиры мои!

Мальчишки, весело хихикая, бросились к саням, а я пыталась поймать их, приговаривая, что сейчас мы быстренько сбегает к маме и спросим у нее разрешение. Но мои разговоры, похоже, никто не хотел слышать.

Мне стало не по себе, я ощущала угрозу, исходящую от этого непонятного мужика, от его лошади и даже от санок. Беспомощно оглядываясь вокруг, я молила про себя о помощи. И помощь появилась в виде огромного одноухого пса, который спокойно встал между мальчиками и незнакомцем.

– Привет! – раздалось сзади. – А что тут у вас происходит? – К нам приближался Андрей – заснеженный, румяный с мальчишескими веселыми глазами. Он был на лыжах, в ярком комбинезоне и смешной детской шапочке с круглым помпоном.

– С Новым годом! – пробормотала я. – Вот этот незнакомец собрался похитить наших детей, – пояснила я, осмелев.

– Женщина, ну что вы такое говорите? – меня, вдруг, заметили. – Зачем бросаться такими словами? Я просто захотел устроить детишкам праздник?

– С чего это вдруг? Я с Надей можно сказать с детства дружу и вас в первый раз в их доме вижу.

– А вы должно быть Таня, правильно? Работаете гримером на Ленфильме и жили с Надеждой в одной коммуналке?

– Правильно! – кивнула я, недоумеваю откуда этот парень может так много знать обо мне.

– Вы та самая Татьяна?

А эта реплика Онегина раздалась уже с другой стороны, это произнес Андрей. Он стоял и как – то удивленно смотрел на меня.

– А я все голову ломал, отчего мне все в вас так знакомо? А вы – Таня.

– Господи, ну что тут происходит, объясните? – Взмолилась я. – Меня все знают, а я будто с амнезией: никого не знаю, ничего не помню.

– Вы – Андрей, товарищ Федора, который вел репортажи из горячих точек, так? А вы кто? – повернулась я ко второму.

– Да, я – Андрей, только я не всегда был корреспондентом. Несколько лет назад я снимался на Ленфильме, и вы меня гримировали, Таня. Вы меня совсем не помните? А я еще конкурс выиграл по встрече вас из роддома.

– Господи, Андрюша! Я вас не узнала совсем. Вы так изменились за эти пять лет, возмужали. Это борода, наверное, виновата.

– Наверное. А меня смутил ваш цвет волос. Раньше вы такой яркий не носили.

На меня вдруг повеяло чем – то удивительно теплым и родным. Мне захотелось прижаться к Андрею, обнять его. Но я только стояла и смотрела в его мальчишеские глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.